Т. Шамета

ВЕЧНЫЙ

дереализованный

Сад абстракций

Т. Шамета

Вечный дереализованный. Сад абстракций

«Автор»
2026

Шамета Т.

Вечный дереализованный. Сад абстракций / Т. Шамета — «Автор», 2026

Наука и интуиция. Вопросы души и тела, жизни и небытия, Мультивселенная. «Как вверху, так и внизу»: сны Вечности и сны земные. Геологические эпохи и альтернативная эволюция. Всё это – в третьей книге, по-своему самостоятельной, но расширяющей горизонты монументальной психоделической трилогии «Абстрагированный». При этом истории Нейла и Мети, потерянной в земных «подмирах», продолжаются через все три книги. Нейл в таинственном Саду Абстрагированных дрейфует сквозь слои беспокойного сна, преследуемый тенями – не просто кошмарами. Его воспоминания рассыпаны, словно осколки разбитого зеркала. А «Книга в книге» рассказывает историю Мети, ищущей загадочные старые колодцы-фоггары в средневековой Сахаре, окутанной атмосферой неогностицизма и мистики. Космогония, Демиург, Архонты, правящие этим миром... Рассеянные по свету выходцы из Атлантиды и древние корни слов, неожиданно связывающие картину земного прошлого – больше, чем давно умолкнувшие камни.

© Шамета Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 7
1. Миры 9
2. Всё та же странная игра... 12
3. Маленький оракул 18
4. Великий программист 25
5. Душа – акционер, лишенный права голоса 31
6. Деперсонализация и осознание 37
7. Иноплетянин. Бегство 42
8. Совсем не игра. Эскейп... 48
9. Чужие храмы. Небесная лестница и другое 52
10. Другая игра. Хаос 57
11. Блуждающий в прошлом 59
12. Эльфы, божественная амрита и прочее 64
13. Его земной аватар 68
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Т. Шамета
Вечный дереализованный. Сад абстракций

Т. Шамета

Вечный дереализованный
Сад абстракции

Посвящается Сальваторе, Юлии, Антонине, Виктору К, Алексею, Евгении, Елизавете, Николаю, Виктору Ш. и другим моим близким и моим друзьям... Благодарность Павлу.

© Т. В. Шабанова-Мета, 2026
© Т. Шамета (Tania Meta), 2026

Изоляция исчезла в то самое мгновение, когда наши разумы соприкоснулись. С этим томом круг замыкается, и тишина мира больше не страшит: истина, разделенная на двоих, становится бессмертной.

«Вечный дереализованный. Сад абстракций» – метафизическая научная фантастика, спекулятивная проза с элементами альтернативной эволюции и визионерский роман-поиск. Третий роман трилогии, объединенной общей темой и персонажами. Каждая часть имеет самостоятельное завершение и может считаться отдельным произведением. В ту же серию входят: 1. «Абстрагированный. Вечный Сад» 2. «Дереализация – Потерянный в Саду Вечности». (Все три книги трилогии «Abstractio – Giardino eterno» официально опубликованы в бумажном и электронном форматах на итальянском языке в 2025-2026 гг.)

Оглавление:

Пролог
Осколки памяти на зеркале воды
1. Миры
2. Всё та же странная игра...
3. Маленький оракул
4. Великий программист
5. Душа – акционер, лишенный права голоса
6. Деперсонализация и осознание
7. Иноплетянин. Бегство
8. Совсем не игра. Эскейп...
9. Чужие храмы. Небесная лестница и другое
10. Другая игра. Хаос
11. Блуждающий в прошлом
12. Эльфы, божественная амрита и прочее
13. Его земной аватар
14. Сияющая... Не все так просто.

15. Сильфион. Дом старика
16. Разными глазами
17. Миллионы лет на Земле и Сад, которому миллионы лет...
18. Трансмутации
19. Сфера
20. Туманный сад
21. Поющие скалы, порфировый храм
22. Проходящий сквозь...
23. Планета рождения
24. Перед пробуждением
25. Ночь и день на одной из райских планет
26. Возвращение
27. Необычный праздник в особенную ночь
28. Навигатор Вечности
29. Земля в заложниках
30. Рай на планете, где все друг другу враги
31. Люди-рыбы
32. Семь оставшихся на Земле
33. Когда вдруг появилась Луна...
34. Касаются ли богов земные дела?
35. Зеркальные башни
36. Чужая экспедиция. Не ангельская любовь
37. Тотальное оледенение. Пришедшие
Интерлюдия. Тайная книга Мети
(Визионерское отступление: Сон в пустыне)
1. Женщина и пустыня
2. Мир глазами Метту
3. Найди меня!
4. Мудрая хозяйка Идлеса
5. Плато страха
6. Глаз, глядящий на Землю
7. Дочь песков
8. Последний знак Инила
38. Эвакуация. Проснувшийся один...
39. Гиперздание
40. Андрогины, истоки. Все еще здесь...
41. Пещера за водопадом
42. Еще один напиток забвения
43. Полет к древнему ангару
44. Богиня мудрости Метис. Их больше нет...
45. Возвращение Мети
46. Возрожденное озеро древности
47. Раствориться в капле воды...

Пролог
Осколки памяти на зеркале воды

... Магический опаловый туман плыл над озером, а Нейл плыл сквозь него, взмахами рук рассекая зеркало воды. И тем временем мысли – осколки разбитой мозаики – всплывали из глубины, выстраивались в анфиладу полутемных комнат: в одну он входил, другую запирал на замок. На то он и был «высшим сущим», пусть неприкаянным, запутавшимся в собственных иллюзиях и не вполне уверенным в своём «божественном происхождении»!

На самом деле он уже давно бежал от чего-то, но ни разу не имел мужества оглянуться: какие-то тени позади него, в лабиринте соединенных гранями сот земной Гиперсферы... Вечный освобожденный, сиддх, умеет управлять своей энергией? Но ставший пленником Земли – вынужденно или добровольно – должен отказаться от части своей энергии и далеко не всесилен.

Пора было наконец остановиться и понять, что им от него нужно. А вместо этого он прошел Грань – не по своей воле, как будто кто-то его подтолкнул, и дверь закрылась за ним! Нейл вспоминал... Ночь, пустая дорога, горы. И машина, воскрешенная им из металлолома лишь силой его мысли... Он ехал к Мети. Сквозь туннели времени и памяти. И знал, что она ждет его!

И вот он здесь, отрезанный от нее, на Пятом Уровне земном, в реликтовом, райском Саду сиддхов. Пораженный амнезией, Нейл поначалу принял своих родных и близких за персонал элитной клиники (стыд до сих пор обжигал его лицо!). А тем временем Мети – его «не сестра», его предназначенная, – рисковала обесточиться прежде, чем он смог бы отыскать ее в путанице миров, куда она попала лишь по его вине. И где ей не следовало оставаться... Где миры распадались в Бездне, превращаясь в мусор Вечности...

«Сиддхи, – подумал он, – уходят из временных миров. Остаются лишь бегущие... Липики, писцы, прилипшие к мирам, ставшие охранниками Лимба, охраняющие высшие сферы от нежелательного. Игра или проклятие?»

В каком-то смысле он и сам всё еще оставался там, по ту сторону горного туннеля, за Гранью. И, может быть, «дверь» не закрылась за ним герметично – всего лишь прикрылась? Он опасался, что его неумелый переход мог спровоцировать своего рода разгерметизацию. И если в этот самый чистый земной мир просочится нечто чужое ему из низших сфер, то виноват в этом будет только он, Нейл, – никто другой!

Или он намеренно оставил дверь приоткрытой и нить Ариадны в лабиринте для Мети?

Что с ним... что с ними обоими происходило?

Последние сотни миллионов лет жизненные выборы Нейла нельзя было назвать вполне удачными. Планета-океан, цинк-ориентированный мир... Пришедшие на Землю... Чужой эгоистичный эксперимент...

Они занимались поисками вечности для самих себя, а он, беглец из их мира, принял участие в экспедиции на заброшенную в бездне планету, в чуждом ему эксперименте: поневоле или по небожественному малодушию! И были другие, подобные ему. Их было семеро, и Мети — среди них. Но он узнал об этом позже.

Пришедшие из цинк-мира спешно уходили... Надвигалось колоссальное оледенение: Криогений. Что его спровоцировало? Они не переносили холод и возвращались в свой угасавший мир, а он решил остаться! Один, на шаре, покрытом километровым льдом, – миллионы лет одиночества в ледяном склепе. Сон... Не сон, на самом деле он не спал, лишь блуждал где-то... Нет, не по оледеневшей планете. Когда и где он встретил тех других?

И много-много позже, как побочный эффект эксперимента Пришедших, возникли люди. Не сразу «те самые»! Странный симбиоз: программа, «забытая Пришедшими», ориентированная на создание высшего, спонтанно ожила. Она запустила никем не предвиденную эволюцию – слияние искусственного кода с земной биотой микроорганизмов. Поначалу рождались лишь мягкотелые существа... И некоторые из них обладали некой Искрой, посеянной по ошибке кем-то!

Возможно, его удерживало здесь то самое чувство древней вины, соучастия в недопустимом, заставлявшее его постоянно возвращаться.

И так он здесь: пьет «нектары», видит сны наяву. Мети в этих его видениях рассказывает ему свои удивительные «не сны». Голос ее прорывается, как сквозь туман. Они бегут из одного мира в другой, преследуемые... Пришедшими из прошлого? Откуда-то взялась Диона, девушка из цинкового мира... Её не должно было существовать: слишком много времени прошло!

А вокруг него – семья и друзья. Отец Ольсмин, не раз спасавший его из переделок (как тогда, на берегу Черного озера, у самого Портала...). Мать. Старый Рудсмик – на вид настоящий патриарх древней расы, прекрасная подруга детства Малива. И девочка, рассказывавшая странные сказки, Дайга... Их имена сами всплывали из глубин памяти. Потом – ночная флуктуация теней и света... Ссоры и примирения с братом Тарисом... И только что он пил травяное пиво с Кайтом в библиотеке.

Существовала ли библиотека? Или она – всего лишь создание совместных снов сиддхов, дремлющих в своих «самозарожденных арагонитовых домах»? И у каждого из них – свой: шедевр слияния минимализма с дворцовой роскошью, в котором они медитируют, философствуют и не нуждаются больше ни в чем... И странный, бесконечный, пустынный Сад – вокруг. А Нейл бродит по нему и всё еще надеется собрать распавшуюся мозаику своей жизни и найти Мети. Сейчас, пока не поздно!

И он сделал мощный гребок, уходя глубже в туман...

1. Миры

... Нейл, на какое-то время погрузившийся в странное, будто бездонное, озеро, наконец со всплеском вынырнул и сделал вдох. Кайт, зависший в воде, смотрел на него пристально и одновременно отстраненно, задумчиво, потом молча повернулся и, медленно загребая руками, снова поплыл в клубящемся вокруг них туманце. Нейл последовал за ним. Теплая вода ласкала тело, а ему казалось, что они оба стали невесомыми, почти бестелесными. В самом деле?.. Он не заметил, как они вышли из библиотеки Кайта и точно так же не заметил, как они туда вошли!

И пока плыл, ему представились существа, заключенные в своего рода полупрозрачные «капсулы». Их облик ускользал от него; они дрейфовали в пустоте космической бездны в поисках подлинного Рая, а не какого-то «маленького приземного райка́»! Обладающие искрой, подаренной им кем-то и равнодушные к тому, чтобы снова погрузиться в вязкие материальные миры.

Стряхнув себя все эти мысли, Нейл нагнал Кайта и шутя предложил ему:

– Рванем наперегонки?

Тот, кивнув, принял предложение, и они поплыли, соревнуясь совсем по-земному. Как вдруг оказались в густом, молочном тумане! И там, в полном тумане, снова зависли.

– Значит, мы в каком-то смысле «спасатели»... Но не создатели, верно?! – пробормотал Нейл, оставаясь на плаву и возвращаясь к прежнему разговору, но стараясь свести вопрос на шутку. – И кто же создал самих «богов»?

– Всё просто! Мы – это Он, – проговорил Кайт, поворачиваясь к нему в воде. – По-настоящему, всё – лишь отражение Его Снов. Так что «миры-лаборатории» – это отражения снов Вечного во временных зеркалах. В зеркалах и зеркальных осколках, в зеркальной пыли...

Нейл заметил, что их голоса отражаются странным эхом, так, словно за туманом скрывались довольно крутые берега. Кайт тем временем продолжал:

– Он... своем беспредельном покое, просто позволяет существовать всему! А отражающие зеркала могут быть чистыми, ясными или наоборот замутненными, поцарапанными, вогнутыми и искривленными... И душа – осколок, фрактал, того мира, из которого она пришла.

– Понятно. Великий Единый, кажется, даже не догадывается об искажении своих снов? Как человек не заботится о происходящем во снах! – сделал Нейл, может быть, не совсем удачное земное сравнение.

«Ну да, – рассуждал он внутри себя, – какое дело огромному дереву до какого-то крохотного опавшего с его ветки листочка! А тем временем дерево беспрерывно порождает новые листья и плоды, которые опадают и распадаются...»

И добавил:

– Конечно, бывают тяжелые сны... Единый не подозревает, о том, что творится за его спиной? Восстание, заговор...

Демиург, архитектор, давший форму этой временной Вселенной, решил стать независимым, вечным? (Ему в голову пришла еще одна, возможно не вполне правильная мысль: так организм не подозревает о зародившемся в нем «раковом образовании», решившем не подчиняться ему, а искать бессмертие!)

Демиург... Или, может, Демиургша? Махадеви, создательница, в ее вихревом космическом танце, и разрушительница временной иллюзии!

По ассоциации ему вспомнился один сон, рассказанный Мети. Сон или не сон... нечто на грани и за гранью реальности. В том «сне» она подверглась преследованию со стороны таинственной Королевы. На дне безводного каньона, в большой древней погребальной ладье, под саваном гигантская фигура с золотой маской, покрывающей пепельное лицо... Мети там,

у ладьи, одна. А лодка начинает по-тихоньку двигаться, и саван постепенно соскальзывает с гигантши...

Потом она преследовала Мети из одного сновидения в другое! Разрытый холм, курган, развернутый саван, проснувшаяся Королева, из приоткрывавшихся щелей глаз которой струился космический молочно-голубой свет...

Тем не менее, что касалось раковых тканей, и они не были бессмертными. Нэлл –микробиолог в одном из своих земных воплощений – уже некоторое время был озабочен странными сомнениями относительно того, что он видел в микроскоп. И внутри себя усиленно избегал употреблять без надобности само слово «клетка»... вне контекста «живой ткани». «Микробиолог, – сказал он себе, с саркастической улыбкой, – возможно, находился под влиянием натуропатической теории, сосредоточенной не на клетках, а на тканях?»

Думая всё это, Нейл продолжал оставаться на плаву.

– Могут ли временные миры просить за себя? – спросил он. – Выбирать эксперимент в соответствии со сложностью населяющих его душ?

– В теории должно быть так, – ответил друг с улыбкой. – Но так не происходит. Никто этим не управляет.

– Ну правильно... С точки зрения временного мира, доверить кому-то ключи администрирования – рискованное дело. Всё кончилось бы коррупцией, превышением власти и продвижением своих!

Тем временем туман плыл и рассеивался... И неожиданно оказалось, что мостки были совсем рядом с ними: фантастически изогнутый, полупогруженный в воду корень. Он и Кайт взобрались на него, один за другим. Возможно, озера действительно не существовало, и их купание было воображаемым, но вода, капавшая с их волос, была совсем не кажущейся! Они вытерлись собственной одеждой вместо полотенец и оделись. Странная ткань высохла мгновенно. И наконец уселись рядом на краю. Нейлу казалось, что они сидят не над озером, а над некой сияющей золотистой бездной. Плывущая дымка слилась с голубоватым перламутром воды, и странные корни-мостки замерли в сиянии, отбрасывая бледные тени на зеркальную гладь. Он подумал, что если бы сейчас попытался сойти с мостков, чтобы еще раз окунуться в чуть прохладную воду, он наверняка потерялся бы в этой дымке, не найдя воды!

– Хорошо, последний вопрос, – сказал Нейл. – Осколки уходящих миров могли бы оказаться полезными Единому для его нового Создания?..

Сказал и вообразил: миры, микроскопические, «зародышевые», и гигантские, бесконечно сложные. Существующие от одного короткого мига до миллиардов и миллиардов земных лет. «Миры, как люди, – думал он рассеянно. – Одни умирают в младенчестве, получив одну короткую, как вспышка света, жизнь. Другие, не только доживают до глубокой старости, но успевают за одну жизнь прожить несколько жизней!»

Теперь в воображении Нейла искрились и лопались пузырьки в желейно густом чернильном мраке, и колыхались огромные, гигантские радужные, подобные тончайшей мыльной пленке, шары.

Миры-лаборатории реализовывали свои сны. Некоторые могли быть совершенно стерильными, не породившими абсолютно никакой жизни. другие воспроизводили лишь определенную комбинацию химических связей или создавали жизнь лишь на уровне микромира. И существовали миры очень сложные, живущие в двух и больше разных измерениях одновременно. И миры, не имеющие тонкого уровня вообще: вязкие или слишком плотные, слишком тяжелые, скользящие по гигантскому откосу к Бездне Несуществования...

Уходящие, тающие миры порождали своего рода «шлейф теней». Спящие, воспроизводящие бесконечно лишь свои собственные сны. Как темные картины, старые поблекшие фото, населенные тенями, тусклыми, хаотичными... Скорее мертвые, чем живые, они не жили по-настоящему, а существовали как-то иначе. И время в них протекало совершенно по-другому:

их можно было посещать не раз и находить всё теми же, неизменными. А он, «бывалый путешественник по мирам», кажется, хорошо их знал!

Но существовало и нечто попроще: всего лишь зазеркалье или обратная сторона земного мира...

Земля была любопытным исключением: мир, незаконно перешедший из разряда миров простейших к мирам, создавшим сложную жизнь. Планета, смешавшая эклектично то, что смешению не подлежало, производившая странные, сомнительные эксперименты! «Новое эволюционное ответвление?.. – с ухмылкой подумал Нейл. – А люди принимают маленькую веточку, фрактальное ответвление, за Мировой Дерево, вокруг которого, в их воображении, ведется эпическая борьба добра и зла!»

Так он себе это вообразил, и картина вышла довольно поэтической, очевидно, он был способный сочинитель. Вообразил всё сам или здесь, в Саду, все знали эту «игру»?..

Не хватало чего-то, может быть, самого главного. Должен был где-то существовать особый мир. Записанный на тончайшую энергетическую ткань, а потому не подлежащий распаду. Он лишь без конца засыпал и просыпался. Сияя мягким светом, затухая постепенно, но полностью не угасая никогда. Снова вспыхивающий ослепительно яркой белой искоркой, разгорающийся и облекающийся в особенную материю. Блистал, пульсировал в незнакомом другим мирам покое, в чередовании бесконечного сна и бодрствования. И где же находился этот «мир богов»? Неуловимый, как эта дымка, растворявшая в себе ясную гладь озера...

– То, что я думаю сейчас, «божественная утопия»?.. – обратился он к Кайту, шутя (зная, что тот способен слышать его мысли!). – Остается лишь убедить Вечный Дух в том, что этот проект особенного мира совсем не плох!

И подумал: «Почему бы нет? Своего рода преддверие Абсолюта! Хранящее то, что не подлежит распаду и забвению. Так, чтоб Великий Вечный, засыпая и просыпаясь, не оказывался перед хаосом собсвенных снов, а узнавал свой Нерушимый Мир! И каждое создание – минералы, растения и животные – было бы по-своему совершенным. Ничто не отяжелевало бы настолько, чтобы провалиться в Бездну Вечного Несуществования... которая, в соответствии со своим изначальным предназначением, занималась бы лишь чисткой и переработкой отходов временных миров!»

Да, он умел изобразить фантастическую картину. Решал ли он так же хорошо свои собственные проблемы? Его «вечное сияние» почти угасло в тяжелых земных мирах, пока он бродил где-то. И, может, он даже вполне осознанно гасил в себе свой свет, опасаясь, что кто-то, идущий следом за ним, заметит горящий фитилек и воспользуется им, как ключом, открывающим... «Ключ?!» – подумал Нейл уже не в первый раз.

2. Всё та же странная игра...

... Струился туманец, а струи его закручивались и вытягивались, начиная тихо посвистывать, и постепенно превращались в порывы ветра, развеивавшего туман, хлопавшего полами темной мантии, обернутой вокруг плеч Нейла. Он лег на бок и – застыл. «Нейл?..» Шепот, произнесший его имя, разнесся шорохом по каменистой пустынной равнине до самого горизонта и затерялся на ней. Ветер свистел. За опущенными веками колебались свет и тени... Нейл спускался в пещеру, следуя за Мети. Там пылал странный «огонь», не огонь; там он рассказывал ей что-то...

– Что я знал о них?.. – он начал свой рассказ о случившемся очень давно, когда он сам был всего лишь мальчишкой. – Почти ничего не знал, кроме одного: сила в том мире была за ними, вот и всё. И знал, что я нужен им целым! Что они хотели от меня? Что-то такое, на что я, по их мнению, был способен!

... Шумная группа двигалась в его направлении, приближаясь. Они говорили громко, претендуя на всеобщее внимание. Крикнули издалека, и было ясно, что они обращались к нему:

– Эй, ты! Глюколов!

И, проходя мимо, еще обернулись, оглядывая его с головы до ног. Он проигнорировал их, стараясь не провоцировать. Но что произошло бы, если б они всего лишь задели его?!.. В чем-то они были правы: глюколов – это, пожалуй, хорошее обьяснение всему!

Теперь еще кто-то шел ему навстречу... Взглянул пристально, и как будто сквозь него, а он услышал, нет, по губам прочел еще издалека: «Глюки не записывай, так безопаснее!» Что!?!..Что за бред!! Но тот прошел мимо, как тень, и исчез, что было совершенно нереально.

Нейл, кажется, опять оторвался: заснул на миг или наоборот проснулся! Где он находился?..

Это была снова та же заброшенная железная дорога, место как будто чем-то ему особо полюбившееся: он постоянно что-то там искал! Он – молодой парнишка, – даже не знал сколько точно ему лет. Видно, собственная биография его не слишком интересовала. И это было немного странно. Откуда он пришел и куда направлялся? Вокруг него было запустение: пустыри, серые строения, скудная, чахлая растительность. Но кустики ядовитой, галюциногенной, белены даже цвели: кажется, местные относились к ним почти бережно.

А правила игры такие: некоторых мест следует избегать любым путем! Хотя, кажется, его постоянно тянет именно туда, куда не надо, чтоб потом срочно сматывать, когда начинаются настоящие проблемы. И они рано или поздно начинаются! Быть постоянно начеку́ – кого хочешь измотает, и иногда у него появляется чувство безысходности, бесполезности всего, желания сдаться. Что они с ним сделают?! Но нет, нужно продолжать эту глупую игру! Игра, в которой участвуют одни нестандартные, такие как он, а всех других она как будто не касается.

Он уже подходил к городу, когда какой-то работяга, весь грязный и промасленный, с гвоздодёром в руке, окликнул его:

– Эй, Макс, сошел бы ты с рельс!

Нейл даже приостановился, удивленный не столько тем, что тот заговорил с ним – диалога с местными никогда не получалось – сколько намеком на то, что здесь еще ходили поезда. Однако, кажется, тот имел в виду всего лишь свою дрезину-углярку, стоявшую на путях, полузаросших травой. И пока человек тяжелым взглядом следил за его приближением, Нейл был почти готов продемонстрировать ему эффектный прыжок через вагонетку! И заодно проверить собственные силы. Но хорошо, что не сорвался и не сделал такую глупость. Во-первых,

вот такой трудяга мог сдать его, не моргнув глазом. А во-вторых, что касалось сил, позже оказалось, что энергетически он был совсем на мели.

Тупые коллаборационисты, иногда они готовы устроить тебе ловушку по собственной инициативе. Он не знал, какой им был от этого барыш, но, казалось, это единственное, что они понимали: свою выгоду. Поэтому ему поневоле приходилось интересоваться тем, что у этих тупарей в головах! «Темные» игнорировали их, но когда им было нужно, использовали беспощадно. А те рождались и умирали одинаково просто. Иногда им можно было почти позавидовать.

И еще... Одно воспоминание заставляло Нейла чувствовать себя разбитым, без энергии, без сил. Как тогда, когда это случилось!

Они тащили его буквально волоком. Он почти не открывал глаз, а приоткрывая, видел всё мутно. Ему действительно было настолько плохо, или он был вынужден им подыгрывать?.. Рана не казалась ему такой уж серьезной, Нейл просто вел их игру! И при этом был еще способен думать, не переигрывает ли он, прикидываясь слишком слабым?!

Кто бы ни был тот, кто поручил им грязную работу (если это не была их собственная инициатива), он просчитался: тупари легко купились на его представление. И в конце концов Нейл получил именно то, что хотел: они бросили его одного, без охраны, в своем мышином логове. Иначе их дома, их кварталы, нельзя было назвать! Бросили, решив, что он всё равно не сможет никуда уйти. И даже не пнули перед уходом, как это у них полагается – бить ногами лежачего! – решив, наверное, что с него достаточно и того. Лишь гмыкнули и бросили что-то вроде: «Полежи пока здесь, бог войны!» А это было что-то вроде клички?.. И должно было ему как-то льстить?! Странно, но эти слова он слышал уже не впервые от таких, как они. Может быть, они уважали его, в каком-то смысле?

Сейчас Нейл, затянутый внутрь собственного виде́ния, был тем самым мальчишкой. А мальчишка не хотел знать, кем они его считали. Нет, не тупые, а те, другие! Те не оставили бы его одного, даже мертвого! «Но разве боги умирают?!» – подумал он.

«Бог войны»? Ну да, это случилось какое-то время назад. Его воспоминание было угнетающим! Просто он забрел туда, куда ему не следовало попадать, потому что часто бесцельно бродил повсюду. «Не такой», «путешественник», так это теперь называлось. На самом деле цель была: такие, как он, искали выход... Вернее, искали ходы. Странная вещь!

А то место, куда он забрел, было чем-то вроде резервации зомби в сельской местности. И чужакам туда доступа не было. Чужаки там очень плохо кончали!

Когда они двинулись на него, окружая плотным кольцом, Нейлу стало по-настоящему жутко. Положение было отчаянным! Он прочитывал обрывки мыслей у них в головах и предупредил по-хорошему, чтоб они оставили его в покое: он никому не хотел причинять вреда! И уж конечно он не страдал какой-то особой формой болезненно-пониженного настроения. Типа дисфории... раздражения, перерастающего в агрессию! «Тихий был такой парнишка... А спалил полдеревни!» Нет, конечно! Просто, «зомби» полезли на него, и тогда это произошло!

Нейл до сих пор не мог поверить: они орали, разбегаясь в стороны от него, одежда горела на них – живые факелы! Он был в шоке!!! Но как это произошло!?! Что он сделал!?!..!

... Теперь Нейл и Мети находились не в пещере, где он рассказывал ей всё это, а в какой-то квартире. В одной из тех пустующих, в мирах их было всё больше. Они – мальчишка и девчонка. Квартиры и вещи, как будто никому больше ненужные, и люди исчезали без следа.

Рассказ давался ему нелегко, но Мети его понимала и сочувствовала. Некоторое время они оба молчали. А потом она рассказала ему свой «сон».

Сон, который не был сном, как обычно. В нем она была еще ребенком. Потому что, перейдя Грань следом за Нейлом, в чужом мире, она, в отличие от него, вновь стала маленькой девочкой. Одинокой, потерянной, испуганной! И вот, она потерялась, одна в каком-то невероятно огромном торговом центре, похожем больше на Луна-парк. Комплекс аттракционов,

роллердром, «планета игр» и так далее, жутковатое место и настоящий лабиринт! Отставшая от детской экскурсии, растерянная маленькая Мети стояла, не зная куда ей идти, а подошедшая девушка-ассистентка посоветовала ей сократить путь через подсобные помещения. Там, в подсобке, она столкнулась с очень странными людьми... Они показались ей «не вполне людьми»! Наверное, она пыталась утешить его этим рассказом? Может быть, так.

Возможно, они были не совсем людьми, но внешне это были вполне человеческие существа! Случившееся не давало Нейлу покоя. Как такое вышло?! Когда-нибудь ему придется заплатить и за это! Разумеется, у «бога», кем он воображал себя сейчас, не могло быть ни огнемета, ни какого-либо другого оружия. Так или иначе, по несчастью для них, они нарвались на такого, как он, а он всего лишь защищался! Нейл был в шоке, но не испытывал к горевшим настоящего чувства жалости, смотрел, как завороженный, словно происходящее не касалось его лично. И эта мысль об отсутствии жалости тоже тяготила его. Хотя, стоило ли жалеть тех, кто не пощадил бы его?!

Итак, туполомы ушли, оставив его одного, но, по-видимому, они скоро вернулись бы, одни или в сопровождении кого-то. Он не знал, что именно произойдет, но понимал, что рано или поздно это могло случится. И тогда для него был бы конец!

Нейл подумал: «Разве боги бывают смертны?»

Нейл-мальчишка не собирался легко сдаваться. И едва они его оставили, заставил себя подняться. Как во сне... Это и был сон... Или нет?! И даже если он не ощущал боли, его слабость была вполне реальной. Нейл почти не держался на ногах, а сердце его по-земному учащенно билось. И к тому же он был не вполне уверен, что сможет оттуда уйти! Но никто его не остановил... Может быть, потому что в лабиринте убогих жилищ ему встретились одни лишь женщины и дети. Предположительно, существа менее агрессивные. Что не всегда бывало так!

Как в бреду он пересек какие-то комнаты, почти рискуя заблудиться в них... Комнаты, лестницы, тупики, переходы и коридоры... – всё вокруг было убогим, грязным и дурно пахнущим. На него косились, однако никто не сказал ни слова. Может быть, и хотели его остановить, но не решились. А ему запомнился взгляд ребенка: присутствие Нейла, сам Нейл, было для него чем-то... кем-то вторгшимся в его мир.

В углу одной из комнат варилось и дымило что-то тошнотворное. Нейла и без этого запаха мутило: его рана еще только начинала затягиваться, и даже если это происходило очень быстро, он еще не был в полном порядке. Попадал ли он впервые в подобную переделку и всегда ли был один?!

Да, были другие, такие как он, хотя их было мало. И чем они занимались?.. Искали какой-то выход... или вход... До сих пор он не очень хорошо понимал, что за всем этим стоит. Это походило на игру? Но нет, это была не совсем «игра»... или совсем не игра. А он и не собирался участвовать ни в каких таких играх! И если в чем-то участвовал, то не по его собственному выбору и желанию!

В то время как дружба между своими почему-то никогда по-настоящему не завязывалась. Каждый из них был сам по себе: редкие встречи и еще более редкие сборы. Впрочем, он к ним и не особо рвался. Он был, как все они, один.

– Да нет, пожалуй... – Нейл слабо улыбнулся уголками рта – была «одна особо привязчивая девчонка»! А может, я сам ее искал. Я встречал ее уже не раз: мы находили друг друга и терялись, и снова встречались. Иногда даже не успевали договориться о следующей встрече!

Мети улыбалась отвлеченной улыбкой, глядя как всегда внимательно и одновременно отстраненно. А он видел и не видел ее, хотя смотрел ей прямо в глаза.

Хаос... Он производил иногда очень странные вещи! Они спускались в какой-нибудь подвал и там, в самом закутке, заваленном ящиками, картонками, обнаруживался – кто бы мог подумать! – очередной ход. «Из тех ходов, что ведут не так уж далеко. Всего лишь в другую часть Вселенной!» – сказал он ей как-то, шутя. Случалось, они шутили... И ребята, смеясь,

поддевали его: «Ты у нас самый молодой из всех и самый чокнутый!» Хотя ему не казалось, что они были намного его старше.

Можно ли было назвать это «ходами, соединяющими разные реальности»? Но Нейл не слишком задумывался о названиях. Он знал только одно: когда ты входишь в них, никогда не знаешь, куда попадешь! И поначалу бродишь, как потерянный, и не понимаешь, куда тебе идти, и не знаешь, что тебя поджидает за углом. Ты даже не уверен, сколько времени задержишься там, и уж конечно тебе не приходит в голову давать этим местам названия.

Она, его сестра, как он ее называл, знала всё это. Ему не приходилось обьяснять ей что-то. Просто иногда ему хотелось выговориться и знать, что его понимают, а она отлично его понимала. Наверное, и она по той же причине рассказывала ему свои странные сны.

Где они были теперь? Снова в пещере; блики света играли повсюду на каменных стенах. А они, Нейл и Мети, уже не были теми мальчишкой и девчонкой...

Девчонка, исчезновение которой так озаботило его во время их посещения некого «аттракциона»: «адского дома»! Которой чудились ангелы, бродящие по пустырям городских окраин... А еще была Мети-визионерка, жившая в странной квартире, в странном доме и путешествовавшая по мирам... И другая: Мети-лесной дух, преследуемая некой королевой эльфов. (Действительно, эльфы? Или что-то другое?) Мети, вспоминавшая свое несчастливое странное детство в мирах... Мети-взрослая, самодостаточная и сильная, работавшая гипнотерапевтом в клинике. Это перед тем как в рушащемся мире появились герметизированные поезда, перевозившие немногих беженцев, спасавшихся от царившего повсюду безумия! И та Мети-сестра, что приходила к нему в ледяную пустошь, чтоб расшевелить его, будто окаменевшего, поднять, увести за собой и рассказать ему всё это, свои «сны»!

Нейл продолжал рассказ:

– Когда очищаешь ход, освобождаешь его от завала, от всякого хлама, то ощущение... – нечто! Знаешь, что это твой шанс, что сейчас ты сможешь вырваться отсюда. И понимаешь, что в этот самый момент они уже где-то у тебя за спиной. И если ты не успеешь войти в дверь, то... всё, конец! По крайней мере, ощущение такое!

А Мети подтвердила сказанное им:

– Заброшенные места под их почти постоянным контролем. Откуда они знают о них?!

Это были подвальные помещения: бывшие парковки, туннели, заброшенные штольни, складские помещения и старые бомбоубежища... Но еще и множество пустующих квартир. Кажется, никому не нужных, жильцы которых просто исчезли без следа! Пустые, никем больше не используемые здания школ, фабрик, учереждений...

– Короче, всё то, что посещаем мы! – подвел итог Нейл.

И для нее это было примерно так же: после очередного «перехода» преследование на какое-то время прекращалось.

– Я чувствовала себя немного земной Золушкой! – она чуть улыбнулась своему инфантильному сравнению. – Нужно успеть войти до того, как пробьют башенные часы! А ход закрывается... Закрывается всегда вовремя?

Мети помолчала и добавила только:

– Я до сих пор не могу понять, что они хотят от нас?! Может быть, они считают, что мы каким-то образом управляем этими ходами. Не в том смысле, в котором они сами используют пространство и время. Поэтому мы им нужны?.. Они считают нас как бы «живым ключом»... к тому, что недоступно им!

Так она ему сказала: ключ. Ну да, конечно, искра высших сфер – мост своего рода! Но для Нейла-мальчишки всё это было непонятно. Иногда ему хотелось остановиться и крикнуть тем, кто его преследовал:

– Оставьте меня в покое, сволочи!!!.. Я еще мальчишка, в конце концов, «маленький»!! Я ничего не знаю! И мне плевать на все ваши планы на мой счет! Хотите вы это понять!?!

Но бесполезно. Он с ними никогда не разговаривал. Никакого контакта. Поэтому его так поразило, когда один из них, преследовавший его на лестнице, уводившей куда-то вниз, нарушил их обычный обет молчания! Нейл не любил об этом вспоминать: странный случай, может быть, ему всего лишь... приснилось? Вот только он не спал!

– «Темные» – великие иллюзионисты, – сказал он ей как-то раз. – Думаю, они пытаются внушить нам, что мы теряем наши способности.

– Зачем им это? – пробормотала она.

– Всё очень просто! Если ты потеряла веру в себя, тебя легче взять. На этом и строится весь их расчет!

Там, на шпалах узкоколейки, Нейл-мальчишка решает проверить срочно, как у него обстоят дела с его способностями. Отталкивается ногами от рельс, даже подпрыгивает – как маленький! – и только сейчас отдает себе отчет, насколько «подсел его аккумулятор»! Ему удается подняться всего на полуметр над землей, больше не выходит, даже если он изо всех сил подгребает под себя руками! Его усилие, посланное сквозь себя самого вниз, под ноги, должно превратить воздух в подобие упругого ковра, но Нейл не удерживается долго и, несмотря на полное внутреннее сосредоточение, начинает медленно погружаться... Воздушный ковер не держит его. В следующее усилие он вкладывает всю свою злость и отчаяние, потом сдается. Нет, он не в силах взлететь! И каждый раз мысль одна: всё – это конец, случись что, он не готов!..

Привал. Нейл растягивается на шпалах, раскинув руки, цепляется руками за рельсы, словно ища энергию в них. Смотрит в небо: «Интересно... Может, поезд здесь всё-таки ходит иногда?» Трусом он себя не считает, но и героем – тоже. И то, что на него ведется охота, совсем ему не льстит!

– Мы спим когда-нибудь?.. – спрашивает он. И не ожидая ответа Мети, сам же себе отвечает:

– Конечно, когда мы ищем те замаскированные ходы, случается, нам нужно где-то провести ночь. Но нет, это не настоящий сон... Лично я не смог бы расслабиться. Они каким-то образом почти всегда приблизительно знают, где нас искать!

– У них точно есть какие-то способности, – замечает ему Мети, по-видимому кивая. И они вместе решают, какой термин лучше использовать: «Определение местонахождения: пеленгация... пассивная или активная, с помощью электромагнитного излучения? Что еще?..»

Они задавали тот же самый вопрос и тем другим, встречавшимся им на пути. Но разговоры не клеились, что-то их постоянно прерывало. Казалось, что липики, путешествовавшие по альтернативным земным мирам, знали больше них, но было также ясно, что они умели и “вовремя сматывать удочки”. Исчезали, словно растворяясь в воздухе, оставляя их одних! Впрочем, Нейл никогда не злился и не обижался.

– Нейл, я иногда летаю... – сказала Мети, голос ее прозвучал где-то, как эхо. – Однажды я обнаружила, что вместо того, чтобы падать в пустоту, я плавно опускаюсь вниз, а потом я полетела... выше деревьев, выше крыш... И еще, я почти никогда не сплю. Только какие-то странные... не вполне сны. К примеру, мне снилось как будто мы с тобой, и еще с другими, идем по каким-то комнатам. Ряд комнат, в которых время как будто остановилось. А я иду последняя и закрываю двери и, кажется, гашу в каждой комнате свет...

Нейл вспомнил... Он оглянулся и хотел крикнуть ей: «Мети, оставь!..» Все остальные уже ушли вперед, а он задержался из-за нее и видел отставшую Мети в соседней комнате. Но еще дальше, в другой, дверь которой еще не полностью прикрылась, что-то начинало оживать! Нейл рванулся назад: «Мети!!!..»

– Случалось ли тебе когда-нибудь, убегая вместе со всеми по одному из тех лабиринтов, – проговорила она, – свернуть не туда, куда свернули все?! Или, что «ход» в заваленной хламом

квартире закрылся именно в тот момент, когда был твой черед войти в него?! Или... странный лифт закрыл перед тобой свои двери, не вовремя для тебя!

Нейл был впечатлен ее словами, особенно этими последними, и еще раз выкрикнул где-то в пустоте ее имя: «Мети!..» Эхо отдалось звонко.

А он шел по шпалам... Он был мальчишка. Потом лежал, глядя в серое небо, ощущая затылком жесткую шпалу. Дымка заволакивала небо. Но это были не шпалы железной дороги, а странные мостки на магическом озере. Нейл сел над самой водой, или скорее над самой сияющей бездной! Перед ним, в плывущей дымке, проступало лицо молодой женщины. Чарующей, почти алебастровой бледности. Он видел ее до плеч: серое платье на ней, под цвет ее темно-серых глаз, и волосы цвета темной красноватой бронзы рассыпались хаотичными волнами, словно она сама их обкромсала в порыве небожественного гнева. А это придавало совершенному лицу вид какой-то диковатой непокорности. Но проявившийся в пустоте образ уже угасал. «Нейл!.. Здесь темно!..» – крик рассыпался на шепоты, шорохи. Дымка плыла, струилась, непотревоженная криком, открывая постепенно... совсем не озеро, а густые, пышные заросли сада. Сада, с большой буквы... Тоже магического, бесконечного. «Где ты!?!..» – Нейл еще кричал изо всех сил. Действительно кричал? Молча, не произнося и не слыша ни звука!

3. Маленький оракул

... Пышная зелень по обе стороны от него расступалась величественно, словно театральные кулисы, и над его головой густые бороды плюща, свешивались ветвей старого дерева, подобно арлекину, той горизонтальной драпировке, что обрамляет сцену. Вокруг Нейла был лишь Сад и – никакого странного озера, никакой виртуальной оранжереи-библиотеки Кайта! Как не было и самого друга, и его вполне реального дома! Всё вдруг куда-то исчезло, словно растворилось, и лишь легкая дымка испарений медленно поднималась посреди многотональной и обильно цветущей растительности. А он был растерян и очарован тем, что открывалось его взгляду. За зеленым, почти сценическим порталом тропа взбиралась по косогору сырыми каменистыми ступенями, вросшими в дерн.

Нейл, дизориентированный, медленно всходил по ступеням между зарослей диких роз, цветущего ежевичника, и вплетающихся повсюду вьюнков, покрытых россыпями розовато-белых колокольчиков. На верху холма что-то белело: возможно, садовая беседка на прогалине, полускрытой седой дымкой испарений. В кристальной тишине доносился откуда-то едва уловимый ропот воды. Ему же захотелось крикнуть, разрывая эту тишину:

– Эй, Кайт!! Куда, черт бы тебя побрал, ты делся!?! Прощаться здесь не принято?..!

Всё испарилось в мгновение ока – что за шутки! Словно ничего и не было, фата-моргана: никакого озера, никакого разговора и никакого «друга». Очередной глюк, буйное воображение, спровоцированное, может быть, дурманящими испарениями Сада! Сложный бред. Однако Нейл помнил, как он и Малива подходили к дому Кайта... На бархатистой лужайке перед домом, в полной тишине и безлюдье, разбросанные на траве древесные скульптуры удивленно таращили на них свои древесные глаза, разинув бессловесные древесные рты. Освобожденные из древесины лики. А потом? Что случилось? Подобие замешательства... И внутренний голос сказал: «Ты сам зашел слишком далеко...» Проскользнуло прежнее тревожное чувство: может быть, он и сам нереален, как те деревянные существа на лужайке, живые и неживые!

Однако, хороши же у них здесь манеры! Выставить его из дома, ничего ему не обьяснив, не сказав ни слова на прощанье, оставив его в полном одиночестве посреди дебрей нереально, парадоксально бесконечного «сада». Ну разумеется, что еще он мог ожидать от сиддхов, занятых своей созерцательной медитацией, каждый, как в скорлупе, в своем доме-раковине, похожем на крыло ангела... Разве это не высшая степень эгоизма? А он, уже готовый взбеситься почеловечески, был одновременно необычайно спокоен. Почти безмятежная расслабленность.

Пока он продолжал подниматься по мшистым ступеням, дымка тумана, казалось, сопровождала его, клубясь вокруг. Волосы Нейла были влажными от оседающей на них росы. И странная мысль вдруг закралась ему в голову: а не принял ли он прежде этот самый туман за озеро?!.. Вершины деревьев, поднимающиеся из дымки, – его берега! А подлесок в тумане – это те же самые «берега», отраженные в призрачном озере... И он, поднимавшийся по ступеням, как бы восходил из подводного мира. Всё вокруг него было до головокружения призрачно.

По-видимому, Нейл оказался в самой сырой, туманной части Сада. Или, может, это были вечерние испарения, означавшие, что и бесконечно длинный «садовый день» наконец начинал клониться к закату. А еще только вчера он пришел сюда вместе со встреченным в дюнах Ольсмином, отцом! Забывший обо всем, не верящий ни во что и не понимающий, что происходит. Потом бредовая ночь и не менее странное утро: сумасшедший бег по лесу к Черному озеру и Порталу! И возвращение...

Последний вопрос? Так он сказал Кайту? Последний?!.. Нейл вдруг засмеялся в голос. Тот понял его дословно и исчез! Кайт: «вернувшийся», «спокойный, умеющий слушать», «лег-

кий, светлый, сын зари и ветра», «птица и свобода»... Все значения его имени. Но еще: «не тот, кем кажется»!

– Кайт, что за шутки?.. – пробормотал он себе под нос, усмехаясь. Тихий смешок раздался в ответ. Почудилось? Детский смешок вплелся в плывущую поволоку туманца и тихие переливы воды, струящейся где-то в зарослях. А Нейл вообразил, что ребенок прячется и подглядывает за ним (может быть, в той белой беседке на верху тропы?). И наверное, если Нейл попросит, сможет проводить его до ближайшего жилья или хотя бы укажет ему в какую сторону идти.

То, что издали показалось ему в плывущих прозрачных испарениях перголой, оказалось лишь ажурным сплетением лоз, сплошь покрытых мелкими белыми цветами. Здесь, на верху холма, туманец поредел. А сама прогалина была будто специально созданной для отдыха в уединении. И как всегда ни души вокруг! Лишь где-то очень близко шелестела вода скрытого от глаз источника. Магическая атмосфера снова дурманила его. Некоторое время Нейл стоял и слушал беспрерывно булькающее течение воды, и вместо того, чтобы «проснуться», казалось был еще больше заворожён. Может быть, это был совсем не вечер, а рассвет какого-то другого дня? А ночь промелькнула мимо незаметно, в череде таких же промелькнувших мимо дней и ночей!

Тропинка не обрывалась, исчезала в кущах, она была полузаросшей, видно, по ней мало ходили. Нейл склонился под ветвями и скоро углубился в заросли, ориентируясь лишь на легкий шум текущей воды. Возможно, и ребенок убежал куда-то туда. В чаще ему открылся ручей, он оказался неожиданно широким – почти крохотная, мелкая речушка. Ствол полегшего дерева служил мостиком над быстро бегущей водой, и ветви свешивались низко, полоща листву в потоке. Вода закручивалась на бегу пузырящимися сонно водоворотиками, а прибрежные травы, замершие мечтательно, дремотно, казалось, будь их воля, оторвались бы и последовали за течением. Ребенка не было видно и на берегу, и Нейл уверился бы, что ошибся, если б не... Если б не донесся снова откуда-то поодаль легкий смех и тихий говор.

На другой стороне ручья тропинка, преодолев прибрежные заросли, начала виться между столетних самшитов со свисающими с ветвей мхами, затем петлять в зарослях плотных самшитовых кустарников, превратившихся вдруг в настоящий зеленый лабиринт. И в какой-то момент Нейл, потерянный, неожиданно увидел себя как будто со стороны (сверху!) посреди этого лабиринта. Детский смешок вернул его к реальности. А тропинка, словно решив, что хватит ему уже плутать, почти сразу вывела его к обладательнице смеха: маленькая светловолосая девочка в светлой тунике сидела на корточках у натуральной чаши, выточенной стекающей водой родника в пористом туфе. Погрузив ручки в воду, она была занята какой-то игрой. Струйка чистой воды, переливавшаяся через край каменного углубления, утекала тонким ручейком в травяные заросли.

Нейл приостановился, боясь испугать ребенка своим неожиданным появлением, но она, не оборачиваясь, проговорила:

– Учти, я тебя вижу!

Тогда он подошел и заглянул поверх ее головки в широкую чашу. Потом посмотрел на саму девочку и узнал ее. Ну да, это была она, он уже видел ее раньше... У нее еще было такое милое, звучное имя!

У них были странные имена! Иногда они ассоциировались у него в голове с каким-нибудь земным мифом: Мети, к примеру, – мифическая Метис, Метида. Может быть, он сам был когда-то мифологом? Ну разумеется! Похоже, у него было множество профессий в прошлом! Однако в именах, которые он слышал здесь, в необъятном Саду, чаще было что-то большее. Что-то ускользающее... как бы зыбкое, вибрирующее, струящееся... «Ольдинка?..» Что она здесь делала совсем одна? Нейл поймал себя на том, что автоматически рассуждает по-земному: детям не следует удаляться от взрослых и от других детей! Он не заметил, что задал ей

вопрос вслух? Девочка взглянула на него снизу вверх; светло-серые глаза ее сияли от упавшего в них света:

– Я не одна.

Сказала, как серьезная маленькая женщина, и кивнула ему на каменный вазон, как будто приглашая его присоединиться к игре.

– Конечно... – Нейл снисходительно улыбнулся, подчиняясь ребенку, присел рядом, пытаясь понять, в чем именно заключалась игра. И проследив за взглядом девочки, увидел почти незаметную серенькую рыбку, подплывшую к детской ладошке. Но когда он склонился чуть ниже к воде, рыбка, вильнув, скрылась за выступом камня, а девочка проговорила:

– Не бойся, Тильси, Нейл тебя не тронет!

Она запомнила его имя! Нейл еще раз улыбнулся:

– Тильси?..

Он не очень-то умел разговаривать с детьми. Ну да... древнейшая морская богиня Таласса и кроме того создательница рыб и прочих морских существ. (И глубоко внутри промелькнула смутная мысль, что история морских созданий на Земле была совсем не простой!) А рыбка как будто поняла девочку и снова выплыла, приближаясь к ее погруженным в воду пальчикам. Мягкий вечерний свет вспыхивал на прозрачной воде, и небольшое дерево, затенявшее источник, осыпало в чашу пыльцу и мелкие увядшие цветы. «Ботаник» в нем отметил: «Ирга?..»

Разумеется, кем еще, если не ботаником, мог быть сиддх на Земле, в вечном поиске своего потерянного Сада! Сада, в котором растения не воюют между собой. Аллелопатия – это когда растения ненавидят растения. Но здесь, нет, они не сражались за воду, свет, минералы, не душили друг друга, не травили ядами! Возможно, Нейлу была близка роль садового посредника и миротворца, но он с трудом мог бы вообразить себя с тяпкой, граблями и секатором в руках! Разве что садовый архитектор... Ландшафтный дизайнер? Это как-то облагородило бы в его глазах профессию садовника? Нейл ухмыльнулся внутри себя: едва ли его вкусы могли удоблетворить претензии многих земных заказчиков!

Ягоды ирги, или медовые винные ягоды... на вкус, смесь изюма, смородины, голубики и вишни... Как и полагалось, на дереве Райского сада были и цветы, и плоды. В этот момент рыбка клюнула поверхность, и Нейл мог поклясться, что слышал тонкий, тончайший звук прикосновения.

– Ты придумала ей хорошее имя, – сказал он, слегка озадаченный.

– А я не придумывала, это ее настоящее имя.

– В самом деле?..

Он улыбнулся снисходительно, не зная, что еще сказать. Девчушка была очень милой. Она вдруг всплеснула руками над водой, и рыбка вильнула, словно повинуясь ее жесту, делая сложный пируэт. А на поверхности стал проявляться, на глазах у изумленного Нейла, замысловатый концентрический узор – что-то совершенно необыкновенное!

– Как это у тебя получается?..

– Это не я, – сказала девочка. – Это Тильси.

– Вот как?.. Ну разумеется.

Он не стал спорить с ребенком. А девочка пояснила:

– Она любит играть, ей скучно, Тильси здесь одна. Я часто прихожу навестить ее! Мы с ней дружим. Хотя она дружит еще и с улитками... Она думает, что потом уплывет в ручей. Но пока она еще здесь.

– С улитками?.. – пробормотал Нейл, ища их взглядом.

– Они вместе работают, чистят дом Тильси. Ну вот же они!

И в самом деле, по самому краю чаши ползли, выстроившись в ряд, совершенно необычные, удивительные улитки-чистильщицы! Крупные, почти как тропические улитки-ахатины и

превосходящие своим изяществом ракушки пятнистых теодоксусов из семейства разноцветных неритин. А он, как всегда, казалось знал всё обо всём!

Они напомнили ему фантастических морских фораминифер, но как бы увеличенных во много раз. Когда-то, где-то Нейл – которого в то время звали Нэлл – наблюдал их в микроскоп: бесконечные фрактальные узоры эволюции, подобные узорам в калейдоскопе. «Калос эйдос скопейн»... «Прекрасные фигуры видеть»... Похожие на крохотные спиральные галактики, окаменевшие медузы, шишки и бутоны, маковые коробочки, пузырчатые бутылочки с витыми горлышками. И даже нечто вроде готического окна-розы в миниатюре, а ему казалось, что он входит в некий известняковый храм!

Или же он наблюдал их без всякого микроскопа? На пустынной первозданной Земле... Еще до Кембрия... А он присутствовал там! Фораминифоры в то время были своего рода гигантами: «вегетарианцы», симбионты водорослей, способные к фотосинтезу. И еще, игольчатые лучевики, тоже довольно прекрасные на вид, но уже гораздо более активные и даже способные охотиться. Мир менялся. Но, может быть, он и был таким всегда: мир-хищник и наследник какого-то другого, гораздо более древнего и далекого. И настоящий взрыв творения произошел, когда Земля, проходя вместе с Солнечной системой свой галактический путь, вошла в контакт со своими истоками. И получила где-то в глубинах космоса более полный пакет информации. «В момент встречи» среди правозакрученных раковин фораминифер появились левозакрученные мутанты...

Его посетило мгновенное виде́ние. Белая башня... Гигантских, неземных размеров! Левозакрученная... против часовой стрелки. Нейл находился на узком внешнем пандусе, ничем не защищенный, на невероятной для Земли высоте, сравнимой разве что с земной стратосферой!

Он встряхнул головой, освобождаясь от лишнего, а девчушка бросила на него искоса взгляд, не нарушая его молчания. Они были как бы на одной волне, Нейл чуть улыбнулся ей.

– Ты всё знаешь!.. – проговорила маленькая женщина-сиддх укоряюще мягко. Кажется, она не имела в виду удивительную игру с рыбкой, а что-то гораздо большее. Она упрекнула, а он сразу принял ее упрек, смирился, чувствуя себя перед ней немного ребенком. Что скрывалось в этой светлой детской головке, какой вечный дух в детском облике? С каких Световых Полей она пришла и что на самом деле помнила о себе настоящей?

И ему представился земной цветок, реализующий земной проект. Растет корень, вытягивается стебель, зарождается бутон... Но цветок пока еще «не вспомнил себя» окончательно. А затем, однажды, вдруг раскрывает свои лепестки, словно проснувшись ото сна, и становится полным и завершенным.

«У земного создания, – подумал Нейл, – это состояние длится совсем недолго. Кто-то даже не успевает полностью раскрыться!»

Обычно контакты с детьми оставляли его скорее в растерянности. Нейлу казалось, что иногда именно перед ребенком он чем-то выдавал себя с головой!

Маленькое существо, неприкрыто анализирующее его лицо, мимику, голос, взгляд, измеряющее «все параметры», чтобы под конец вынести громко, перед всеми присутствующими, как приговор: «А почему он такой?..» И это в то время, когда ему самому казалось, что он не имеет никаких особых странностей: одет как все и старается вести себя в соответствии со случаем, не привлекая чужое внимание. Не маргинал, не человек третьего пола... Однако этот малыш запроста вывел его на чистую воду: «ты не такой»!

Ему не раз случалось наблюдать взгляд земного ребенка, занятого странным процессом упорядочивания хаотично поступающей в его головку информации. Может быть, слишком механическим, причинявшим неудобства самому маленькому созданию. Младенец беспокойно вертелся на руках у матери, не способный надолго сосредоточиться на деталях мира, скрывавшего за внешней ширмой материи наполненную хаосом пустоту, которую он воспринимал! Ребенок успокаивался лишь тогда, когда этот странный процесс в нем был закончен.

Отброшены лишние нейронные связи, установлен «контакт с миром иллюзии», и всё сразу становилось проще! «Хотя, – промелькнули в голове у Нейла (у земного Нэлла) рассеянные мысли, – некоторые дети как бы задерживаются в начальной стадии восприятия и кажутся окружающим неугомонными, нуждающимися в лекарственнных препаратах. Для подавления внутреннего беспокойства и создания адекватной реакции на этот мир?..»

Сейчас он думал и о себе самом. Возможно, покинув Сад преждевременно, он не мог считать себя равным другим его обитателям?.. Он, как и Мети, они оба остались в каком-то смысле «детьми». А потому он должен был чувствовать себя лучше в компании детей Сада? «Или рядом с девушкой-подростком, рассказывающей сказки про говорящие деревья!» – подумал он, иронизируя над самим собой. Подобная ситуация не могла не обеспокоить взрослого человека!

– Ты же всё знаешь! – заметила девочка на этот раз с оттенком удивления. – Почему ты всё время сомневаешься?

А ее голосок эхом отозвался в нем. Сиддху не нужно учиться, чтобы снова стать сиддхом. Ему нужно всего лишь вспомнить себя!

– ... и не потерять себя! – добавил далекий, как эхо, детский голос.

Как мог ребенок что-то знать о нем?! Почти то же самое сказал ему отец, Ольсмин, встретивший его в дюнах на берегу и проводивший через лес до загадочного Сада. А Нейл был настолько потерян и запутан, что даже не узнал собственного отца и до сих пор не мог себе это простить! Но не его вина... Пораженный амнезией, от которой и сейчас всё еще не освободился! Он не узнал и брата. И не узнал свою мать! Как не узнал прежде Мети, приняв ее за свою «сестру»?

– Ты боишься?.. – спросила девочка, взглянув искоса с непосредственностью ребенка, но одновременно с таким глубоким сочувствием и совсем не детским пониманием, что он невольно кивнул ей, сам как ребенок. И тем временем в глубине него метнулась тень прежнего сомнения: не она знала о нем что-то, просто... он говорил сам с собой!

– Чего же ты боишься? – оторвав глаза от рыбки, зависшей в воде и сонно шевелившей плавничками, маленькая девочка грустно посмотрела на Нейла мягким, светлым взглядом, приводя в смущение взрослого, не привыкшего к общению с детьми. (Помимо общения с тем единственным ребенком, который еще жил в нем самом!) Но не настаивала на ответе

Что за необыкновенные глаза у этой девчушки! Такие глаза были у его младшего брата Тариса и у маленького Кайта. Это Нейл помнил! А девочка вернулась к игре с рыбкой. Нейл наблюдал за ее игрой, заинтересованный.

– Ты думаешь, я боюсь?.. – спросил он через какое-то время, смущенный тем, что задает ей, малышке, подобный вопрос. К его удивлению, она кивнула, подтверждая серьезно:

– Да.

– И ты знаешь, чего я боюсь? – не удержался Нейл.

– Боишься, что ты не существуешь, боишься, что Малива, Кайт... я... и всё – лишь твое воображение, боишься вспомнить себя.

(Сказала и снова взглянула на него искоса.)

– !?!..

Он был поражен, но совсем не раздражен. Знающий маленький гений! Девочка была, кажется, ясновидящей, читала его мысли! Однако, такого не могло быть... Он выдумывал, бредил! Изощренно-сложные галлюцинации. Глядя на играющую девочку, Нейл испытывал чувство неловкости и вины, почти угрызения совести перед ребенком, в существовании которого только что усомнился. Разве он не считал себя уже «вполне богом», чтобы продолжать еще во всем сомневаться?!

– Но ты же взрослый!.. – заметила она рассеянно.

– Взрослые тоже бояться, – ответил он, кивая, глядя на бесцельно плавающую туда-сюда рыбку и невольно задумываясь: что влечет это маленькое создание плыть в ту или другую сторону? А затем...

Затем Нейл вдруг оказался где-то там... В прозрачной, темной глубине... Большой круглый зал, по периметру которого темные пещерки были полны пыльной мути. Полусумрачный, несмотря на то, что он был освещен сверху через колеблющийся потолок. Залитый золотистым блеском и со скользящими по нему тенями – светлая грань какого-то неведомого ему мира. Нейл, плавно взлетев вверх, приблизился, прикоснулся, как бы пытаясь лучше изучить ее свойства. Она поколебалась, а от места его прикосновения разошлись круги. Тогда он попробовал быстро тронуть зыбкую грань в нескольких местах – концентрические круги сплетались между собой. Можно было почти рисовать узоры!

Но тут две огромные тени заслонили свет. Опасность?!.. Нет, опасности, кажется, не было. И он даже смог договориться с тенями, рисуя для них причудливо сплетенные узоры! Они отодвинулись, исчезнув так же необьяснимо, как появились. И из Верхнего Мира, с колеблющегося потолка, упало что-то... Что-то, что он смог взять и перетащить в свой мир: синевато-черные и чернильно-красно-фиолетовые шары. Они оказались сьедобными, сладковатыми! И посыпалось сверху подобие золотистого дождика, а он ловил и пробовал его на вкус. Это была вязкая, пряная, горьковатая кашица... И в тот самый момент, когда Нейл задавал себе любопытный вопрос: «а есть ли у него руки для сбора манны небесной?», он словно вынырнул из подводного мира. И, смутно улыбнувшись, отдал себе отчет в том, что только что идентифицировал себя с рыбкой. С рыбкой, живущей в наполненной водой широкой каменной чаше, в которую падали винные ягоды ирги!

– Взрослые тоже боятся... – повторила девочка тихим эхом вслед за ним, как бы размышляя над его словами внутри своей детской головки. Она водила пальчиками по воде, а ее светлые волосы, спадавшие легкими волнами, были пронизаны косыми лучами света, падавшими сквозь ветви дерева.

«Дерево роняет свет солнца...» В лабиринтах памяти Нейла его рука, словно ведомая невидимой силой, медленно выводила чёрной тушью кандзи, частично преобразованные иероглифы династии Хань: «дерево», «роняет», «солнце». Звучало очень поэтично. И всё это могло быть выражено в одном слове: «коморэби». Абстрактные идеограммы и более конкретные пиктограммы, начертанные тонкой кистью хософудэ, ложились танцующими тенями на васи, изысканно тонкий лист бумаги. Тонкий, но прочный, сделанной из волокон мицумата, «бумажного кустарника» с золотистыми цветами.

Дерево уже теряло листву, оголяя ветви, готовясь к зиме. И где-то капала вода, шел дождь. Звуки дождя были подобны эху шагов одинокого путника, идущего своим путем, без цели. Углубленный в себя даосский монах?

Капал дождь... Несколько капель воды упали в тушеницу, в каменную чашечку, где он растер сухую сажевую палочку, чтобы приготовить черную тушь суми. Он не хотел ни славы, ни богатства за свое умение! Искусство каллиграфии – это еще и способ медитации: «путь письма», сёдо. Очищенный разум и пробужденная кисть – соединение отстраненности и максимальной сосредоточенности. Кисть входит в контакт с листом бумаги и каждый жест, каждый мазок, свободный и произвольный, становится подобным освобожденной в танце энергии. Но самый трудный калиграфический стиль сёшо, который называют еще «гнущаяся по ветру трава», быстрый и текучий.

Он откинул широкие рукава простой темной юкаты, подпоясанной широким поясом. Или это был даопао даосского монаха?.. Даопао – разновидность одежды народа хань. Он был иноземец? Здесь его звали Неру, его имя внушало спокойствие. Иноземный ученый, принятый на службу... Верующий «в свой путь». Он верил в возможность управления своей энергией, в слияние с Духом и бессмертие.

«Дерево роняет свет солнца...» Сам основатель даосизма, по слухам, родился от луча света. Что за забавная мысль! Если б только он, Неру, не видел Основателя в реальности, своими глазами... Но как он мог видеть человека, жившего сотни лет назад?!.. Кем был он сам?.. Отстраненный от всего ученый иноземец и искусстный каллиграф.

И он снова принялся за дело. Две длинные пряди волос, придержанные темной повязкой, струились ему на грудь, а средняя, была завязана высоким узлом на затылке. Лента хатимаки, символ его непреклонности?.. Нет, просто так было легче писать! Кисточка, зажатая в пучке пальцев, танцевала в мягком, медленном танце изящных мазков. И иногда тишину пронзал звон капель, слышимый лишь им самим. Беззвучный звон капель, падающих с кисти в каменную чашечку...

... Вода медленно сливалась из каменной вазы и струилась на землю.

– Тильси говорит, что когда-нибудь уплывет далеко отсюда, в большой ручей.

Нейл кивнул, слабо улыбаясь, потом опустил глаза и слегка вздрогнул: она нарисовала пальчиками на воде странный узор, а он прочел, сам не зная на каком языке: «Мети». Рисунок уже таял, вода мягко вспыхивала в вечернем свете. Нейл решил, что ему всего лишь померещилось. Но малышка обернулась, взглянув на него пристально, отрешенно, и сказала:

– Ты найдешь ее!

А он чуть было не спросил:

– Где?!..

Вовремя опомнился. Она, конечно же, всего лишь играла!

– Найду?.. – переспросил он, глядя на завораживающий блеск воды. И вдруг его осенила совсем простая догадка:

– Кто твои родители?

Заранее зная ответ и почти успокоенный тем, что так легко нашлось обьяснение всему! «Малива... – думал он и добавил: – Маль-ийва... Маал-ива...» (Их струящиеся имена. Ольдинка... Растущий кусочек кристалла, звенящая ледышка. Малива, дикая мальва, благородная смесь лилового и лавандоваго цвета... Духовная сила и любовь к одиночеству.)

– Малива – твоя мама? А кто твой отец?..

Нейл не мог поверить самому себе:

– Тарис! Мой брат?! Выходит... Ты – моя племянница?!

Знала ли она, что означает это слово? Как сказал ему его брат, здесь, в Саду, они все – “братья” и “сестры”. Что она могла знать о настоящих родственных связях! Но она знала... Если только не взяла это слово прямо сейчас у него из головы!

– Выходит так, – кивнула она ему вполне серьезно, мокрой рукой убирая с лица прядку волос. – Племянница... Мне нравится. Ты рад?

– Конечно, – заверил он, всё еще пораженный открытием и столь неожиданной для него развязкой.

Теперь Нейл смотрел в лучащиеся светлые глаза девочки и видел в них беспредельность, в которой мог заблудиться...

4. Великий программист

– Мама...

Это сказала она? Перед ним были ясные серые глаза маленькой девочки, стоящей на песке. А позади нее, чуть поодаль, море катило свои свинцовые волны! Легкие пряди светлых волос колыхались... нет, чуть не срываясь с детской головки, взлетали над плечиками, бешено трепались. Ветер рвал белое платьице и, кажется, был готов подхватить и самого ребенка. А за ее спиной опасно растущие морские волны с тяжелым грохотом обрушивались на берег, разливались широкой пеной и снова отступали, унося с собой песок и гальку.

... Водная ширь бушевала хаотично до самого горизонта, ветер срывал пену со вспухающих повсюду гребней. Что-то виднелось вдалеке, на белом пенном поле прибоя... Нейл всматривался напряженно, но своим обычным зрением, не настраивая то другое, «особое». Это была женская фигурка: светлая одежда, волосы цвета зажженной меди. Что она делала там, одна, в опасной полосе прибоя?! Уж не собиралась ли войти в воду, навстречу катящемуся грозно и нарастающему в своей мощи валу!?!..

Теперь Нейл и сам оказался на берегу. Физически он был там, под ветром и моросью, оглушенный грохотом! Увязая в мокром песке, пытался бежать туда, где только что видел женщину. Но где она?! Он потерял ее из вида, а ветер и прядки волос залепляли Нейлу глаза – хлесткие, соленые порывы ветра в лицо. Ноги его вдруг оторвались от земли, и он полетел...

И видел протянувшуюся в обе стороны белую полосу прибоя. Широкие лоскуты разглаженного приливными волнами песка и эрозия сьеденного прибоем берега; одиночные темные скалы, о которые время от времени, налетая, разбивалась особо сильная волна. Шторм образовал настоящие озера и реки посреди песков. Ветер взметал песок над холмами, заплетенными темной порослью. А Нейл будто летел поверх всего этого!.. А потом снова был внизу и бежал! Ноги его скользили, и очередной сильный порыв ветра сбил его с ног; он упал на колени и его обдало ливнем небулизированных брызг. На мгновения дизориентированный и весь мокрый, с прилипшими к лицу волосами, глядел вверх, в небо, совсем забыв о женщине... Оно было совсем близко, это дымное небо, летело над ним и рвалось на туманные клочья. И весь мир вокруг находился на какой-то зыбкой грани, готовый вот-вот порваться...

Его взгляд снова опустился на бушующую водную ширь в поиске... Как он мог до такой степени забыться?! Пустынный берег, тот же ветер срывает с гребней пену и – никого! Сбил ли ее с ног очередной вал, поглотил мгновенно, увлекая за собой на ревущий простор, или, может, она сама канула в массу воды безвольно, без сопротивления?!..

Нейлу в голову пришла абсурдная мысль: «Но Афродита, рожденная из пены, не может погибнуть в море!» (Речь шла не о земной Афродите, в создании которой морская пена – лишь завуалированный символ «живой спермы» небесного бога Урана.) «Она была одна?..» Нейл вдруг усомнился, что прежде не видел кого-то другого рядом с ней!

Грохот волн и ветер не затихли, но словно отдалились. Нейл ощущал странное спокойствие. «Воды земные сливаются с Водами Космическими...» Что для него означали эти слова?

Да, некий переход... Водяные пузырьки роились перед глазами... Или это звезды летели ему навстречу? Солнце всходило, закатывалось... красноватое, утреннее или предзакатное... словно не успевшее разогреться. Но это было какое-то другое Солнце! Луна вибрировала и раздваивалась на две луны: одна маленькая и другая побольше. Потом звездный купол раскинулся над ним... И тоже совсем другой, неземной! Бесчисленное количество мерцающих звезд сливались в одну сияющую туманность. А он, окутанный этим сиянием, испытал что-то вроде «звездного экстаза». Но звезды мерцали, поблескивали и превращались во вспышки на воде...

Нейл был оглушен, дизориентирован. А девочка играла с рыбкой, водя ручками в воде, и тихо, мелодично смеялась, бормоча что-то самой себе под нос. Нейл как будто проснулся и поначалу слышал ее голос словно сквозь пелену.

– Пройдет... – пробормотала она рассеянно, занятая своей игрой. А он переспросил:

– Пройдет?..

– Пройдет, – повторила она, снова взглянув на него искоса, и слегка кивнула. – Ты скоро выздоровеешь и найдешь свою Мети...

– Когда?.. – невольно спросил он!

– Когда растворишься в капле воды.

И что это значило?!..

Он не был уверен, что правильно расслышал. Так или иначе маленькая девочка показалась ему «оракулом», представшим перед ним под видом ребенка! Словно он шел в клубящихся мутных парах, отодвигая у себя на пути какие-то прекрасные широкие листья. И вот, за этой широкой листвой, на крохотной прогалинке, в плывущих клубах тумана он увидел маленькую девочку-оракула: белая туника и чуть колышущиеся светлые волны волос.

– Как называется эта планета?..

– Локи...

(А он уже как будто слышал это слово: «Локи? Место? Просто место и – всё?..»)

– Что за планета? Где она находится?

– Наша... И твоя тоже. Она очень далеко, но для нас, и для тебя, очень близко.

Нет, Ольдинка – его маленькая племянница! – была просто занята своей детской игрой, а он не хотел ее тревожить, сидел рядом и смотрел на воду. Самая обыкновенная рыбка, вилявшая в воде хвостиком и плавничками, производила легкими прикосновениями к поверхности воды пузырьки воздуха. Пузырьки, которые звучно, с тонким мелодичным звучанием, лопались. Он мог поклясться, что слышал звук!

– Где твоя мама? – спросил он наконец. И она вдруг сразу поднялась на ноги, как бы повторяя за ним его слово:

– Мама...

И призрачное эхо: «мама... мама... мама» – разнеслось по Саду, поражая Нейла. И он тоже невольно встал и оглянулся...

– Перга, ферментированная пыльца или пчелиный хлеб, – подтвердила его догадку Малива, когда Нейл попробовал на вкус маленький кусочек, взятый из висящей у нее на локте изогнутой волной изящной корзинки. Поначалу он принял пергу за золотисто-коричневый изюм, но она была твердой, кисловато-сладкой и пахла медом. А Малива добавила еще что-то, о чем они, очевидно, говорили прежде: – Нет, это не обычный помидор...

Тонкие подпорки поддерживали широко раскинутые над их головами воздушные ветвилозы деревца, сплошь увешанного плодиками. Нейл и Малива стояли рядом, и он ничему не удивлялся!

– Ну да, – подтвердил он, – цифомандр... Тамарилло или томатное дерево.

Странный огород вокруг них казался скорее художественным, чем утилитарным: грядки, где кустики и травы росли в соседстве с овощами и цветами, очаровывали взгляд своим живописным разнообразием. А узенькая тропка, выложенная кварцитом, убегала куда-то в сторону от них, теряясь в густом травяном ковре.

«Сиддхи – это сообщество ботаников-селекционеров?..» – выразил Нейл внутри себя новое предположение и ухмыльнулся. Ну да, еще одно предположение прибавилось к другим, подобным, пришедшим ему в голову раньше: богатая секта, роскошный реабилитационный центр для имущих («слегка потерявших ориентиры»)... – чего только он не предполагал!

Чтобы отвлечься от скуки, бессмертные сиддхи, возможно, занимались своего рода селекцией, в согласии с духами растений. Недаром же первая его предполагаемая профессия, пришедшая ему на ум, когда он проснулся в дюнах, всего два дня назад: «ботаник». Ботаник провел в Саду два дня, длиной в два земных года!

А пока, запрокинув голову, он восхищенно оглядывал ветви, усыпанные плодами, похожими скорее на свисавшие на черешках яркие красные сливы, чем на маленькие помидоры. Потом опустил взгляд на женщину. Подруга поставила на землю свою необычную по форме корзинку, полную трав, листьев, цветов и плодов, выложенных в гармоничной композиции. Должно быть, она просила прощение у каждого растения за сорванный плод? И сейчас раздумывала, стоит ли ей срывать «помидорчик». Выбирала, а выбор был связан с эстетикой плода и с его энергетикой. Огненный фрукт пылал, сиял на той кульминационной грани своей энергетической полноты, за которой последовало бы лишь угасание и распад, постепенный и полный.

– Можно сказать, что мы занимаемся «миротворческой деятельностью». На Земле и среди растений нет согласия, да и души растений тоже не все одинаковые! – заметила его подруга, как бы подтверждая его мысль. – А мы в каком-то смысле укрепляем земные растительные сообщества.

Пока она это говорила, Нейл не мог оторвать взгляд от горящей пряди ее медных волос, от позолоченного вечерним светом бледного, неизъяснимо прекрасного лица.

– У каждого растения свои предпочтения, – продолжала она, игнорируя его земное восхищение. – Это различия в энергетике, вплоть до полной их несовместимости, вплоть до войн! В Райском саду наше вмешательство было неизбежным: нам пришлось ограничить претензии некоторых и удовлетворить законную необходимость других. Но это лишь устранение дисгармонии и внесение гармонии там, где она возможна. Впрочем, – добавила она задумчиво, – ты знаешь, мы никогда не участвуем в войнах временных миров... И тем более не участвуем в них на чьей-то стороне!

Она говорила, а Нейл смотрел на нее и думал: как он отыскал ее в Саду?.. Она исчезла на пороге дома их друга Кайта, не сказав ни слова.

Конечно, нет! Он не хотел, чтобы кто-то вовлекал его в дела, которые его не касались. И уж тем более не хотел становиться для кого-то «черным ангелом»! «Но мифические боги, те, кажется, были полностью вовлечены в земные дела», – и Нейл хмыкнул про себя, вскользь припоминая разные мифы.

Однако, он был удивительно рассеян, если вдруг оказался здесь, разговаривающий с ней как ни в чем не бывало и не мог припомнить момент их новой встречи!

Подобный мирный пакт был бы не плох для всего этого мира! Нейл наметил на губах улыбку и внутри задал самому себе вопрос: «Всем временным мирам свойственны подобные жар, буйство, необузданная энергия хаоса? Или эта Вселенная особо молодая, кипучая, незрелая и неопытная?»

– Ну и кого же, из такого мира, «боги» могли бы принять в свой «Ноев ковчег» для спасения и отправки в истинный Рай? – он задал этот вопрос с долей иронии в голосе. Однако Малива ответила ему вполне серьезно, оглядывая нависающие над ними, полные горящих плодов ветви:

– Конечно, мы могли бы полюбить особенно какой-то земной вид и привести его к той гармонии, которая позволила бы ему вечно пребывать в райском мире. Но это было бы уже не вполне земное, а высшее, сказочное для Земли, животное или растение.

Или человек! Могли ли боги преобразовать точно так же и полюбившегося им человека? Сделать его «богоподобным». Сделать из него такого же, как они сами, бессмертного космического бога! И дать ему шанс жительствовать в тех райских мирах, о которых сам Нейл ничего толком пока не знал. (По причине своей амнезии, разумеется!) А она качала головой, задумчиво отстранённая:

– Нет, Нейл, нет... Одного желания для этого совсем не достаточно! Нужно быть способным поддержать в себе незатухающую искру Вечного Духа. А для этого человеку нужно было бы преобразоваться, и он не был бы уже прежним земным существом!

И снова какое-то воспоминание открылось в нем...

Он, Нейл или по-земному Нэлл, где-то там, в одном из миров – сидел перед компьютером и в рассеянности глядел на экран, на упрощенную схему процесса компиляции. Проще говоря, метод перевода кода, написанного человеком, на язык, понятный машине. И что-то всё это ему напоминало... Не говоря уже о странной, почти магической символике цифр!

Итак, для перевода требуются два этапа: анализ и синтез. Анализ разделяется на три фазы: разбор кода, чтение и постижение смысла. Потом следуют две фазы синтеза: генерация промежуточного кода, генерации нового машинного кода. Три и две... Три в нумералогии – это знак точности и совершенства. Двойка означает энергию, обьединение; два – символ Луны, руководящей Землей. Три плюс два – пять. Что означает число пять?

«Ну, не совсем... примерно так...» – и Нэлл слабо ухмыльнулся. Возможно, всё это была лишь его фантазия! В конце концов, количество фаз анализа и синтеза могло варьироваться. (А еще факультативно существовала предварительная обработка файла перед предоставлением его компилятору.) И, в конце концов, всё это было всего лишь упрощенное описание процесса, которое, конечно, не учитывало все его технические тонкости.

Пять, в нумерологии, – путь, жизнедеятельность, накопление опыта.

«Итак, – думал он – из исходного кода получен конечный. Начальный и конечный... А это еще два, добавленные к пяти, итого семь».

Мистическая, магическая семерка! Семь дней, во время которых меняется облик Луны, переходящей из одной своей фазы в другую, и при этом оказывающей влияние на жизненные циклы Земли. Семь составляющих человека, семь его оболочек, от его физического тела до его истинного «Я». Видимо, Единый Вечный (Великий Программист), любил особенно эту цифру! Нет, Вечному не нужны слова и цифры, он там, где тишина и пустота. А компилятор, кто он? Демиург. Благодаря ему программы оживают. У каждой временной Вселенной есть свой Демиург, переводящий сны Великого Программиста на язык временного мира!

Но, кажется, этому миру должен был быть присвоен совсем другой номер, не семь, а...

«Ну да, восемь! – сказал он себе. – Борьба между материей и духом. Мир-материалист, жадный до власти доминатор, тиран!» Семь – сгенерированный новый код, восемь – его оптимизация».

Помимо того существовали еще некие «интерпретаторы»: исполнители, читающие построчно программы. А они кто?.. Люди, конечно, – синхронные переводчики реальности в режиме настоящего времени. Не трудно было догадаться, что следующая цифра девять означала «миссию земных людей и освобождение»!

Нейл ухмыльнулся тому бреду, что лез в голову Нэллу!

Земной Нэлл был по духу скорее гуманитарий, чем технарь. Но он был разносторонним гуманитарием, всегда готовым по необходимости сменить профессию: простой дизайнер или тестировщик – на случай полной отчаянной безвыходности! Но никогда, без сомнения, он не смог бы стать программистом, ни даже простым кодером, выполняющим работу по инструкции, или айтишником, занимающимся технической поддержкой и консультированием... И даже скромным верстальщиком, преобразующим проект в код, не смог бы стать! По простой причине: всё это требовало контактирования и командной работы, а его совсем не привлекал контакт с машиной, но еще меньше – контакт с коллективом людей. Своего рода социофобия!

Существует такое понятие как «зацепление между частями программы». И больше всего ценится независимый, прочный, внутренне связанный модуль, слабо зацепленный за другие. Что было прямой противоположностью работе самих людей, предпочитавших работать в

связке. То, что для программы дефект – для людей сила. Работающий в одиночестве человек слаб.

«Свобода от излишнего сцепления с окружающим людьми – это совсем другая ступень существования», – заметил себе Нейл. И ему пришла в голову странная мысль: обладание некой духовной искрой, это и есть пример особого вида внутренней связности. Что-то, позволяющее поставить на первое место собственное «духовное Я», а на второе – связь с окружающими тебя в этом временном мире. Чем меньше связи с Создателем временного мира, тем больше потенциальной связи с Вечным Единым!

«И еще, совершенно особый случай, – подвел он логический итог своему причудливому размышлению, – полная непривязанность ни к одному из временных миров: это сиддхи!»

Вероятно, он мало что смыслил в языке информатики, но и для простого гуманитария было достаточно очевидно: тело работает как конденсатор, накапливающий и отдающий энергию... И коммутатор, который направляет данные между своими портами ввода и вывода... Гормоны, в роли посыльных и оповестителей, переносят эту информацию в разные части тела, сообщая его администратору, некому «теневому человеку», о наступающем разладе. Всё больше сбоев в работе системы... магнитная сфера размагничивается, и тело распадается!

– Теневой человек? – переспросила его подруга, чуть улыбнувшись, задумчивая и слегка отстраненная. – Который знает и видит гораздо больше своего физического тела...

Потом добавила, совсем как девочка, протягивая ему пылающий у нее в руке помидор:

– Правда, красивый?..

Казалось, плод интересовал ее больше, но представлял для нее скорее эстетический интерес. Теперь они оба говорили на странном смешении мелодичных и шепчущих звуков. Нейл слышал как бы со стороны собственный голос, модулировавший поразительно мягкие, гармоничные звуки. И не знал, что это за язык, но мог оценить звучание произносимых им же самим слов. Струящиеся, они словно соскальзывали с его губ, а он с легкостью выбирал нужные сочетания!

Но если они никогда ничего не ели, – казалось так! – то почему от одного только взгляда на сочный плод, во рту у него возникло ощущение кисловато-сладкого вкуса древесного помидора? И так или иначе, всё то бесконечное время, проведенное им «в мирах», он должен был чем-то питаться?! Сомнение не замедлило вернуться, даже если в последнее время оно возвращалось гораздо реже: казалось, он начинал постепенно во всё это верить!

И в памяти своей он... где-то там, далеко, сам не зная где... надкусывал обычный помидор, теплый и зрелый, и ощущал его сок брызжущий из мякоти, еще хранящей терпкий аромат нагретого солнцем растения. Хрустящая плоть помидора! Не являлось ли это своего рода преступлением? Но разве не для того растениями созданы плоды, чтобы подарить их плоть кому-то, а взамен обеспечить своим детям-семенам освобождение и распространение!

По крайней мере, растение не протестовало, а помидор не жаловался, не кричал и не страдал. И возможно, был бы даже осчастливлен такой привилегией: быть избранным и съеденным «богом»! А не гнить на земле и не разлагаться в пищеварительном тракте какого-нибудь ничтожного чистильщика материи, и тем лишь удлинить циклы своих земных страданий! Перейдя таким образом сразу в лучший энергетический мир. Нейл опять ухмыльнулся. Ну, если это помогло бы помидору пройти его «кармические циклы на Земле», то он был готов облегчить его судьбу... и даже без соли!

Поднес плодик к губам, ощутил его аромат, но не надкусил, вспомнил, что, в отличие от настоящего помидора, тамарилло следовало прежде очистить от кожуры. Для обычного помидора пригодилась бы еще и щепотка соли. И вот другой вопрос! Потребляли ли сиддхи солевые кристаллы? Соль – электролит, проводящий ток в крови живых земных существ, влияющий на физиологические процессы в организме.

В результате его намерение сьесть помидор-цифомандра так и осталось теоретическим. Нейл не был голоден. А Маливы слегка улыбнулась; у нее были прекрасные белые зубы, вполне соответствующие канонам земной красоты и целесообразности. Сиддхи были вынуждены принимать эталоны временного земного мира? Однако, ему, вернувшемуся после долгих блужданий по альтернативным земным мирам, было некомфортно думать о себе, как о «лишь принявшем вид человека»! Она проговорила, смеясь:

– Нейл, наше тело совсем не иллюзорно!

... Каким был вид пришедшего и оставшегося? Оставшийся проснулся в полном одиночестве на еще необитаемой планете и заново создал себя! Естественно, условия на Земле были совсем другими, и его новый организм тоже должен был в чем-то отличаться. Он отличался и от прежнего, и от того, каким он был сейчас.

Нейл вдруг понял, что стоит, будто зачарованный, один на кварцитовой дорожке. А Малива, успевшая уйти вперед, приостановилась и оглянулась на него издалека. И случилось что-то... На мгновение его словно ослепило... Что-то, что он не смог бы описать земными словами!

5. Душа – акционер, лишенный права голоса

... – Кто были сиддхи до того, как они стали... сиддхами? – придя в себя, спросил он издалека.

– Просто люди из другого мира! – ответила она, ожидая, когда он подойдет ближе. Он уже слышал подобный ответ. Теперь, идя среди сухих трав, поднимавшихся по обе стороны тропинки, Нейл задумался. В последнее время ему удалось восстановить некоторые свои воспоминания. К примеру, вспомнил, что он, его брат Тарис и Малива выросли вместе в Райском саду. Сейчас те двое, похоже, жили вместе. Однако у сиддхов было совершенно другое понятие семьи, а он так и не понял до конца в чем именно заключалось это отличие.

Прекрасный бурьян, росший вокруг тропы, был по-своему красив: настоящие произведения искусства, созданные природой. Полные семян колючки, золотистые и ржавые стебли, высушенные солнцем, а среди них выделялись пучки зеленой травы и только что распустившиеся цветы.

– Но чем они отличались... те люди? – проговорил Нейл, подходя к подруге.

– В совершенном знании себя, – сказала она, бросив на него взгляд, и добавила: – Ты знаешь, что земные существа не хозяева себе, их телами управляют боги микрокосмоса. Не знающие покоя! Вечные войны, доводящие иногда до гибели.

Да, он когда-то думал об этом. Тела самовоспроизводятся, передавая наследственную информацию от поколения к поколению. Своего рода эстафета! Подобно тому как одна хозяйка передает другой хозяйке кефирный грибок, симбиоз дрожжей и бактерий, для получения напитка, богатого микроорганизмами. Грибок может быть использован до бесконечности, при правильном его сохранении. Конечно, сравнение было неточным. Но, так или иначе, и организм человека принимает эстафету от предшествующего поколения и передает ее следующему. Бесконечная эстафета, в которой тело – коридор, в пределах которого передается палочка. И кто же ее настоящий управитель?

– Земным созданиям не хватает именно этого: владения собой, – повторила его подруга. –

Когда колония микроорганизмов прекращает свое недолгое существование, временная личность теряет свой дом...

Однако космическая душа, заключенная в теле, похоже, совсем этому не огорчалась. И оторвавшись от своей временной скорлупы, кажется, наконец осознавала, что этот мир совсем не тот Рай, который она искала! И что ее интересы не вполне совпадают с земными интересами личности, роль которой она недолго исполняла.

А затем... Затем душа погружается в забвение, тоже временное, или в яркий сон, перед тем, как ее снова сюда вернут!

... Стояла тишина. Кристальная вечерняя тишь, такая прозрачная, что казалось можно было бы услышать голоса, доносящиеся из самого дальнего уголка бесконечного Сада.

Но голосов не было слышно, словно они находились одни в зачарованном и совершенно пустынном месте: только он и Малива. И еще где-то был вернувшийся к своим снам-не снам Кайт, даже не попрощавшийся с ним! Где-то порхала темноволосая «фея», Дайга, беседовавшая с говорящими деревьями (рассерженная на Нейла за то, что он назвал ее девчонкой!). А парень Толис упорно разыскивал ее повсюду, как самый обыкновенный земной влюбленный. Тарис... брат, метал где-то молнии, «разгневанный бог»! Его отец, Ольсмин, уравновешенный «молодой старик», медитативно спокойным шагом шел по тропам Сада. И мать, прошедшей ночью успокоившая его перед сном, как маленького... А он наутро с такой легкостью растратил подаренную ею энергию, носясь в безумии по лесу за неким несуществующим созданием и в поисках какого-то странного озера!

И сейчас ему казалось, что мать ждет его за каждым новым поворотом тропы. Но каждый раз, когда он сворачивал, она исчезала.

А старый Рудсмик?.. Так похожий на человеческого мага из земной фантазии. Маленькая Ольдинка, играющая с прирученной рыбкой и говорящая загадками. И еще другие, сто сиддхов, затерявшиеся где-то в Саду, погруженные в свои сны... Те, что прошедшей ночью исполняли вместе с ним, Нейлом, свой странный подлунный маскарадный танец, под шелест воды и звучание поющих фонолитов! Он никогда не был до такой степени романтиком. И никогда прежде не подумал бы, что способен присоединиться к чужому празднику и танцевать, надев маску. Если только всё это не приснилось ему!

Нейл думал о следующей приближающейся ночи, невероятно длинной, как прошедшая: кажется, за пределами Сада тем временем прошло полгода! Следовали ли те немногие животные, рыбы, птицы и насекомые, населявшие Райский сад, его необычному, странному ритму жизни? Может быть, они впадали в своего рода анабиоз, чтоб уступить место ночным обитателям Сада, тихим, фруктоядным симбионтам. Не хищникам и не паразитам, чего, конечно, не бывает в Раю!

Тем временем они шли через рощицу, он и его огневолосая подруга, одетая в светлое платье, с корзинкой, полной фруктов и трав в руке. Куда она исчезла прежде, ничего ему не обьяснив, и откуда снова появилась? И куда теперь исчез их друг Кайт? Был ли вообще тот их длинный разговор в иллюзорной библиотеке у воображаемого озера, в котором они умудрились даже искупаться?!

До сих пор Нейл так и не спросил у нее ничего конкретного, как не спрашивал ее о личной жизни, а вместо этого задавал все эти нелепые вопросы. Ну да, конечно, всё было и без того ясно! Его брат Тарис понял, что любит подругу их детства и в настоящее время они... Создали свою семью? Вели хозяйство по-земному? И у них была дочь. Или... Или Нейл ничего не смыслил в странных отношениях сиддхов

Малива не шла, а почти скользила по тропе рядом. Нейл попытался представить свою подругу в роли жены и хозяйки дома, жены его брата и матери Ольдинки... Почему ему было так трудно вообразить их обычной семьей?!

Иногда она вдруг оказывалась далеко впереди него: как будто Нейл, сам того не замечая, приостанавливался и на какие-то мгновения забывался, а она тем временем продолжала идти вперед. И когда он спохватывался, ему казалось, что зелень вот-вот поглотит ее, и она опять исчезнет. Как исчезла та девочка, Дайга: закончив свою сказку, вдруг словно растворилась в Саду... Как с усмешкой уходил будто в пустоту раздраженный Тарис, и Нейл ни разу так и не смог его удержать! И отец, сопровождавший его (еще только вчера!) через лес к Саду, неожиданно удалялся и за пол-леса от него говорил с ним так, словно стоял рядом!

Нет, он не мог представить их обычными людьми. И сдавшись под конец, предпочел вернуться к фантазиям. Так чем же отличается аватар сиддха от обычного земного тела?..

Ему пришло в голову: «Если архаическая часть земного мозга управляет биением сердца и дыханием, а человек даже не задумывается об этом... А перелетная птица настраивает свой внутренний компас на день полета... Следовательно, сиддхи могли бы управлять своим аватаром, настраивая его, как минимум, на садовый день? Равный земному году!»

Он шутил? Может ли один разум заменить собой многочисленные «симбиотические разумы», коллективно управляющие всеми химизмами тела?! И если подобный организм существовал на самом деле, мог ли он считаться по-настоящему живым, с земной точки зрения? Впрочем, и понятия о живом у людей постоянно менялись.

Альтернативный организм, не зависящий от микроорганизмов, а подчиненный лишь своей собственной воле! На долю мгновения Нейл ощутил подобие пустоты внутри и тень вполне земной тошноты. Чисто умозрительная реакция, сиддха не могло тошнить. А ему пора

было б решиться сделать для себя окончательный выбор: что, в конце концов, он думал о себе и о своих родных, живущих в Райском саду!

«Не помню, чтоб я это когда-нибудь делал! – невольно хмыкнул он сам себе под нос. – Программировал себя!» «Ты уверен?..» – спросил его внутренний голос, как всегда иронично. Тот временами встревал и издевался, даже если в последнее время всё реже. Однако он почему-то решил, что это сказала Малива. Рассеянный, поднял голову, снова только сейчас замечая, что подруга ушла вперед по тропе.

– Ты уверен? – окликнула она его издалека, повторяя вопрос.

– В том,что я жив?..

– Да нет же! – она смеялась там, поодаль. – В том, что ты до сих пор никогда этого не делал!

Ее голос отозвался эхом в Саду.

Совершенный разум, управляющий совершенным организмом? Неплохо! Иногда, после бесконечной полной бессонницы, ему действительно требовался необычный и очень глубокий сон! И, может быть, именно тогда он налаживал свои... энергетические узлы и каналы: чакры и нади?

– Чакры?.. Да, может быть, – она как бы взвесила пригодность найденного им земного слова. Потом добавила: – Родители зажигают в нас свет. Мужская и женская энергии во временном мире способны образовать как бы тонкую сферу, принимающую в себя земной код, переданный в записи на свете.

– Так просто! – заметил он с улыбкой.

– Но наша настоящая родственная связь – это больше, чем просто земной код! Это скорее энергия, еще не проявленная в физическом плане, – сказала она.

– Ну да... духовная близость? – заметил он, кивая и подходя к ней. – Вещь крайне редкая на Земле!

А голос шепнул внутри него: «На самом деле в нас есть четыре составляющих. Первая – преобразование чистой субстанции согласно земному коду. С помощью твоих родителей, разумеется! Их энергия, подаренная тебе, а затем ты уже сам становишься полным хозяином своего нового аватара. И наконец, дух внутри тебя... – часть Единого Вечного».

Если это была всего лишь игра, то он отлично справлялся с созданием и развитием фантастического сюжета!

Когда-то Нэлл земной, слышал слова проповедника, рассуждавшего именно на эту тему. Зачем человеку дана жизнь? И, конечно, тот имел на всё готовый ответ. Для опыта телесных чувств и реализации свободы выбора, для чего еще?! Опыт, который тело затем передаст духу.

Впрочем, насчет «духа» и «души» тот не был достаточно точен, употребляя их скорее как синонимы. Нэлл заметил это критично, но продолжал слушать. А проповедник восклицал: «Я живу, я чувствую! Как бы я знал без тела, что есть вкус, запах? Как прикоснулся бы к близким, которых я встречу потом, в другом облике?! Весь этот мой опыт я унесу с собой в другой мир!» Наверное, он имел в виду загробный?..

Дальше Нэлл уже не слушал его. Ему стало скучно, и он спросил себя с сомнением: действительно ли душа нуждалась в таком несовершенном, ненадежном, дающем сбои организме-колонии для прохождения земного опыта? (Колония... даже если на Земле это отрицалось!)

Обычно в любой колонии есть директор. Но в данном случае «теневой человек», строитель земного тела, кажется, почти ничем не управлял: ни настроениями, ни состоянием здоровья колонии. А любое внутреннее восстание могло заставить его бессильно наблюдать за творящимся беспределом, разбоем и хаосом!

«Или, – подумал Нейл, – возможно, в данном случае подошли бы больше термины строительной компании?..» Итак, теневой человек, присутствующий внутри физического тела –

это некий проектировщик. Но и генеральный подрядчик, и координатор! И еще есть органы и их ткани... Грубо говоря, подрядчики и субподрядчики, выполняющие конкретные работы на строительной площадке организма. И есть заказчик, инвестор и «покупатель тела»: душа!

А он продолжал рассуждать. Разве душа, ради которой затеяно строительство тела, не должна была бы по окончании строительных работ вступить полностью в свои владения? Однако этого почему-то не происходило. Что означало одно: тело, построенное в соответствие с тем, что как будто требовалось душе, на самом деле не принадлежало ей полностью!

Строительные работы, никогда не заканчивались, и душа оказывалась не в роли хозяйки, а всего лишь временной приживалкой на вечной строительной площадке, где действовали свои законы и порядки. И не она отдавала приказы, даже если она представлялась, как главный, мажоритарный акционер. Ее просто лишали права голоса! «На самом деле, – думал Нейл, – похоже, существует еще некий незримый девелопер, организатор, тайно оркестрирующий все это дело от начала до конца. Расширяющий дело и получающий от этого свою прибыль: всё больше новых тел для сдачи во временную аренду душам!»

А сознание зависело от тела, хотя должно было быть наоборот: для высшей формы самосознания недопустимо быть гостем колонии низших организмов!

Но в одном тот проповедник был прав: бессмысленно пребывать в материи, не пользуясь ею. «Как бессмысленно находиться в мире, не понимая ощущения населяющих его существ», – подумал Нейл.

– Как мы относимся к еде?.. – спросил он наконец, глядя на свисающую с локтя его подруги изящную корзинку. Нейл ничего не ел, лишь пил нектары, уже два дня! Что соответствовало бы двум земным годам?!

Тем временем Малива была занята чем-то другим. Сплетала вместе сухие, длинные былинки серебристо-голубой травы, сизой овсяницы, разросшейся округло-пышными кустиками с метелками соцветий на залитом солнцем краю тропы. Ему казалось, что тонкие пальцы женщины буквально летали, нереально быстро, мелькая с неуловимой магической виртуозностью! Удивительное плетение было закончено мгновенно и оказалось предназначенным для него. Подруга сделала ему знак, Нейл протянул ей руку, и она закрепила у него на запястье соломенный браслетик. А он разглядывал необычайно изысканный и сложный узор плетения, вполне гармонировавшего с его рукой. Улыбнулся и кивнул, благодаря ее.

– Мы воспринимаем ее... скажем... тоньше, – проговорила она, как бы взвешивая слова. А он уже успел забыть о своем вопросе!

Ну конечно, всем известно: человек, который ест ради удовольствия, не набрасывается на еду, как голодное животное! А у пресыщенного теряется ощущение райского вкуса еды. «Впрочем, – решил он, – сиддхам, при том, что они почти ничего не едят, пресыщение едва ли грозит».

– Мы получаем энергию не из одной еды, – заметила Малива. Она была права: могли ли «боги» на Земле зависеть энергетически от одних лишь продуктов питания? Смог бы он, чтоб восстановить себя, проспать бездну времени в какой-то холодной пустыне, ничем не питаясь? Временами он должен был бы просыпаться и, как голодный зверь, бродить в поисках какого-то пропитания! «Надеюсь, мы не пьем чужую кровь?!» – темная шуточка проскользнула помимо его воли. Но он предпочел продолжить задавать вопросы:

– Может ли что-нибудь нарушить химизмы нашего аватара... отравить его?

И вспомнил, что на самом деле враждебные жизни вещества, так называемые ксенобиотики, очень быстро снижают свою токсичность и быстро выводятся из земного организма. Но простой организм с трудом справляется с отравлением, так как оно приходит не только извне, но еще и изнутри. Ведь сами жизненные процессы земных созданий сопровождаются выбросом вредных веществ!

– Да, аватары сиддхов отличаются, – сказала она. А у него в голове бродили мысли: «Разумеется... Метаморфоза веществ, расщепление молекул... Преобразование веществ в нечто совершенно другое!» В теории, и для земных существ должно было бы быть так. В этом мире всё прагматично, утилитарен даже запах цветов. Едва закончено опыление, они перестают источать аромат. А цветы, опыляемые ветром совсем не пахнут.

Что за тонкий, прекрасный аромат исходил от его подруги! Поначалу он принял его за какую-то цветочную эссенцию, изысканные духи́... Нейл сделал неосознанный жест, проверяя, действительно ли запах пота у него полностью отсутствует и улыбнулся смущенной земной улыбкой своей подруге, заметившей его жест. Тело его было свежим и отдавало «травяным ароматом какого-то дорогого геля», хотя, вернувшись в Сад после своего безумного утреннего бега по лесу, он даже не зашел в дом и не принял душ.

Бег по лесу, глухому, магическому... Затем совсем другой, застывший, мертвый лес и карстовая долина, с ее источниками, подземной пещерой и озером, охраняемым нимфой! Затем Грань, странное озеро, провал-Портал... А может быть, он совсем не выходил из Сада?! И всего лишь, «напившийся с Тарисом нектара», заснул на аллейке, окруженный буйными зарослями пьянящей лаванды! Аллейка, которая вела к калитке, была пустынной... Самая обычная калитка, чуть покосившаяся и плохо прикрытая, с аркой цветущего вьюнка над ней, охраняла вход в Райский сад!

Мягкая вечерняя тишина по-прежнему царила вокруг. И по-прежнему не было никого кроме них двоих. Ему же пока хватало присутствия подруги, нравилась ее манера говорить, ее смех, ее легкая походка. И снова он испытал чувство вины. Хоть какой-нибудь намек, где ему искать Мети!

А Малива поставила на тропинку свою корзинку и поправляла прекрасные медного цвета волосы, свитые мягким узлом на затылке. Ее щеки были такой безупречной фарфоровой бледности, что две волнистые прядки, выбившиеся из пучка волос, бросали на них свой огненный отсвет. Но в этом мире нельзя жить с кожей новорожденного – деликатная и для женщины, и невообразимая для мужчины.

Нейл широко раскрыл пальцы руки, потом плотно сжал их в кулак. Никаких старых шрамов, мозолей, шероховатостей, изъянов... и, казалось, что в Саду его кожа побледнела. А он в какой-то момент принял бледность за некую «светимость»! Однако та девочка, Дайга, сказала ему: «Это свет, который мы несем в себе...» И Малива произнесла примерно те же слова: «Родители зажигают в нас свет!»

И еще некоторые странности Нейл обнаружил в себе сегодня утром, казавшимся уже таким невероятно далеким. В то время как Сад был погружен в разгар лета, лесу уже хозяйничала осень, а он, одетый в легкую садовую одежду сиддхов, сумел каким-то образом отрегулировать свое ощущение холода. Впрочем, он вспомнил, что и раньше неплохо переносил и жару, и холод: мог выйти на снег без верхней одежды и почти совсем не потел летом. Его кожа не обветривалась, но и не загорала, даже когда ему случалось долгое время бродить под открытым небом. Может быть, у него были проблемы с выработкой пигмента меланина? Или железодефицитная анемия, последствия недосыпания, стресс, проблемы с сердцем?.. Нет, кроме стойкой бессонницы, никаких других болезней он за собой не замечал.

Низкое количество пигмента меланина могло подвергнуть человека опасности ультрафиолетового облучения, но с ним, Нейлом, такого не происходило. Судя по всему, излишек лучистой энергии, ему ничуть не мешал. Это были те признаки, по которым он когда-то искал свои предполагаемые генетические корни: редкое сочетание темных волос с бледной кожей. Малое количество меланина делало его кожу скорее бледной и глаза – синими. Но как выяснилось, люди с подобной внешностью не составляли какую-то отдельную народность, а являлись... «Генетической ошибкой? Шедевром эволюции!» – хмыкнул он.

Сиддхи же, не только меняли цвет своих волос в течение жизни, меняли цвет глаз в течение дня, просто в зависимости от настроения. Впускать в свои глаза свет по собственному усмотрению – вещь далеко не для каждого! Пигментный эпителий глаз – щиток своего рода, но человек им не управляет.

В этот момент его прекрасная подруга обернулась и уточнила, как бы ради справедливости:

– В человеке есть не умирающие, а лишь обновляющиеся ткани.

А он кивнул:

– Ну да... Нейронные и некоторые мускульные, сердечные. А еще хрусталик глаза... То, что крайне важно, сохраняется дольше всего и обновляется на молекулярном уровне!

«Но всё остальное... – добавил он себе скептично. – Перепечатка, произведенная некой теневой матрицей! И со всё большими нарушениями!»

С другой стороны природа была просто вынуждена защищаться от долголетия своих созданий. Особенно, когда они начинали излишне плодиться, она реагировала по-своему и сокращала длительность их жизни. И по какой-то причине, казалось, ей досаждали гораздо больше земные существа, чем водные!

И опять речь шла лишь о «человеческих существах»? А они считали себя «звездными людьми»?!.. Нейл слабо улыбнулся. Он смотрел на свое запястье, изучая соломенный браслетик, а заодно и свою руку. Кровеносные сосуды, лимфатическая сеть должны были присутствовать и в его теле! Сердце, легкие, печень, желудок... И если он когда-то был ребенком, то для его «метаморфозы во взрослого человека» потребовалась бы не одна лишь его воля, а и горстка гормона роста. Требовалось немало, чтобы чувствовать себя по-настоящему земным существом!

Проходил ли он когда-нибудь медосмотр, хотя бы для устройства на работу? Пытался ли понять сам, что в нем не так? Нейл рассеянно тронул себя за предплечье, просто желая почувствовать собственное прикосновение. На какую-то долю мгновения пальцы его как будто свободно прошли сквозь физическое тело, так, словно оно было соткано из дымки, только чуть более плотной.

И он начал видеть, как под увеличительным стеклом, всё глубже внутрь своей руки, «вглубь сияющей ткани». Однако, не вполне владея своим новым видением, не смог удержаться, прошел самого себя наскозь, и – вышел, и на мгновение оказался за пределами себя материального! Нейл был на некой грани... Как сквозь струения воды видел рядом с собой колеблющуюся фигуру Маливы. А Сад вокруг них был тоже призрачным. Как будто его мысль ткала на тончайшем полотне призрачные образы. А другая, весомая мысль пыталась вернуть его назад, овладеть ситуацией и возвратить миру его привычную утраченную плотность, создать реальность, видимую земными глазами. Потом вновь созданная им картина перенесла Нейла в какое-то другое время...

6. Деперсонализация и осознание

... Нейл – Нэлл, другое его имя, – в одном из земных миров, в затерянном месте, которое он теперь едва ли отыскал бы в пространственно-временном лабиринте, неподвижно смотрел на монитор сканирующего микроскопа высокого разрешения, на образец биологической ткани (своей собственной!), и кровь пульсировала у него в висках.

Он должен был сделать это давно, но его тормозила как необходимость подготовки образца для зондового, а точнее говоря, сканирующего туннельного микроскопа, так и невозможность свободно подступиться к новому, атомно-силовому, интегрированному. Последний, в отличие от первого, не требовал особых приготовлений. Сделать, но при этом не притянуть чье-то внимание: чтоб никто не стоял у него за спиной и ни о чем его не спрашивал! Он не являлся независимым исследователем или руководителем своей лаборатории, и кто-то мог заметить, что он занимается чем-то, не входящим в его непосредственные обязанности.

Что именно он собирался выяснять? То, что уже и без того как будто знал внутри себя: его живая ткань должна была чем-то отличаться... Бред!?! Отличаться, в каком смысле? Отличаться от животной? От растительной? Или от всякой другой, земной?! Нэлл иронизировал над собой. А то ведь, был еще и простой пробионт. Предполагаемый первичный организм, состоящий из протобиополимеров, – нечто вроде предшественника всему... Примитивная форма жизни! И помимо того, как он мог это знать заранее? Его почти уверенность граничила с болезненной паранойей!

Он наблюдал сильную неспецифичную автофлуоресценцию: образец испускал свет... Без всякого внешнего облучения, без обработки флуорохромами! Делирий?.. Без сомнений, учитывая то, что Нэлл много ночей подряд не спал. Сколько именно ночей он не спал и когда спал в последний раз?.. Вообще не спал? Может быть, это был синдром сомнифобии: страха перед сном. И вот, результат налицо!

Кажется, он вообще не собирался проводить мониторинг с применением флуориметрии. Да и сама эта операция, определяющая по интенсивности свечения концентрацию вещества в ткани, конечно, не могла быть выполнена «в момент задумчивости или рассеянности». Рассеянность в лаборатории недопустима!

На самом деле процесс был весьма трудоемким. Подготовка изолированного образца, фильтры и освещение... И это не говоря о микроскопии полного внутреннего отражения – дополнительном методе для получения изображения высокого разрешения. Любая подобная работа требовала и внимания, и времени.

Но нет, это было чистой воды пугающее безумие! Потому что в какой-то момент Нэлл был почти уверен, будто его собственный взгляд... заменил ему источник монохроматического излучения! Нечто подобное лазерному эффекту! Что его пугало больше: обнаружить что-то не то в собственной микроанатомии или в собственных мозгах?!

Так или иначе, новый лабораторный микроскоп пригодился: быстрое получение сканов высокого разрешения, без химической обработки и механического воздействия на поверхность образца. Нэлл нанес суспенсию «живых клеток» на предметное стекло, использовал влажную камеру, насыщенную парами воды, для сохранения нативной ткани, закрыл ее мембраной и сканировал в полуконтактном режиме. Всё! Кровь пульсировала у него в висках, а он напряженно смотрел на экран. Сканирующие зондовые микроскопы обычно не отличались идеально быстрой выдачей результатов, требовалась еще обработка для получения четкости изображения.

Бред... При каких-то других условиях Нэлл решил бы, что это просто очередной глупый розыгрыш коллег! И даже кинул взгляд краем глаза, хотя всегда каким-то образом знал, что

происходит у него за спиной. Но он был один в лаборатории: специально пришел пораньше, не слишком рано, чтобы не вызвать удивление в проходной. И время, рассчитанного по минутам, было в обрез.

«Другой Нейл», находящийся где-то в другом месте, видел всё это внутри себя... Типичная обстановка лаборатории. Центрифуга и электроплитка, шейкер и колбонагреватель. Весы, спектрофотометр, стеклянная установка вакуумной фильтрации. Пипетки-дозаторы, хроматографические колонки, пробирки и чашки Петри, посуда для реактивов... Но это была всего лишь небольшая лаборатория – одна из нескольких, составлявших крупное научно-исследовательское учереждение. Человек, младший научный сотрудник (он сам!), вошел в комнату и надел на себя белый лабораторный халат. Судя по всему, его присутствие в этом месте не было «вынужденным». Но с чего вдруг ему пришло в голову, что его нахождение там могло быть недобровольным?..

Прошел, как всегда, мимоходом рассеянно здороваясь с коллегами, сел на табурет слева, напротив стены. Хотя в теории предпочел бы самый дальний угол, а не место в проходе. Но ко времени его прихода в лабораторию это было единственное незанятое, и оно было закреплено за ним. Свой рабочий день он, молодой рядовой сотрудник, проводил как правило в молчании и чаще всего лицом к стене, почти не участвуя в разговорах коллег. А его рутинная работа проходила в замкнутом пространстве: между письменным столом и короткими походами к термостату, муфельной печи, инкубатору и сушилке. Затем – стерилизатор, ультразвуковая промывка. А кроме того, нужно было заполнить обычные документы, дневник и отчеты. И некое неизбежное взаимодействие, связанное с групповой работой.

Его недолюбливали... И возможно, были правы! У него был просто талант вызывать в окружающих подобие интуитивной антипатии. Нэлл прослыл зацикленным трудоголиком и замкнутым на себе карьеристом. Впрочем, лишь делающий вид, что работает, чтоб выставиться перед руководством, а на деле бóльшую часть времени спящий на своем рабочем месте! И в чем-то они не ошибались: коллеги за его спиной даже не подозревали, как далеко, на самом деле, он иногда находился! Нэлл не сразу отвечал на обращенные к нему вопросы. Заторможенный, как бы просыпался, что принималось окружающими за простое нежелание контактировать. Но он действительно должен был вернуться оттуда, где был в тот момент! И таким образом, не желавший привлекать к себе лишнее внимание, на деле невольно получал прямо противоположный результат.

По правде говоря, и карьерного роста тоже не предвиделось. Хотя ему, как будто, было обещано повышение зарплаты, когда-то «в будущем»... А сам он, кажется, ни о чем не просил. Ну разумеется, в этом мире деньги нужны всем! Но он в деньгах не нуждался и не пытался найти место получше.

– Что-то забавное? – полюбопытствовал коллега, приостановившись рядом с Нэллом, глядящим с полуулыбкой в окуляр простого оптического микроскопа. От исходившей от него смеси пота и дезодоранта Нэлла слегка замутило. Как иногда мутило и от запаха женских духов. Возможно, это была его «аллергическая реакция»: он сам не пользовался даже простыми дезодорантами. И потому однажды его сильно удивили, почти дезориентировали слова одной из сотрудниц: приостановившись рядом с ним, она со слегка натянутой фамильярностью, вскользь поинтересовалась маркой его одеколона (для мужа, разумеется). А он промолчал в ответ, просто не знал, что сказать, тем самым вызвав в ней явное чувство неловкости и заставив ее сразу же раскаяться в заданном вопросе.

Он не душился, но, разумеется, мылся: простой энергетический ритуал! Без коррозивных шампуней, гелей и мыла, одни струи отфильтрованной, чистой воды. Покупные фильтры не смогли сделать ее такой чистой. Он преобразовал их (не ожидал от себя таких способностей, но смог, сделал!) и установил на всех кранах в своем временном жилье.

Теперь, сидя на табурете, погруженный в свои мысли, Нэлл ощутил, не глядя, как прошедшая за его спиной сотрудница излила на него в очередной раз всю гамму чувств, суммировавшую отношение к нему женского персонала лаборатории. Остатки неудовлетворенного любопытства, разочарование, переросшее в неприязнь. Ну да... он же женоненавистник! Отчасти шизофреник или «травмированный»! Возможно, брошенный женой... Или скорее сам бросивший где-то семью. Хотя... Какая женщина пожелала бы завести с подобным типом близкие отношения!

В атмосфере негласного конфликта, любопытство одной из коллег перешло все границы. Он никогда не подумал бы, что взрослый человек может опуститься до инфантильной слежки! Практически сразу заметив идущую следом, Нэлл едва удержался от искушения подшутить над ней. Однако избежал глупого поступка.

Случалось ли ему и прежде – в других местах, о которых, в связи с поразившей его амнезией, он ничего не помнил! – увольняться с работы по причине своей полной несовместимости с коллективом. Или из-за организованной в отношении него травли коллег!

Он не ответил на очередной заданный ему вопрос... Впрочем, мнение о нем и так уже давно сложилось: сноб, если не полный мизантроп! Почему он до сих пор еще оставался здесь, что еще его удерживало от увольнения?! Может быть, просто невозможность найти другую работу.

Как-то раз ему случилось посетить один из филиалов – лабораторию, работашую на другом этаже в том же самом здании. Это был единственный в его практике случай допуска по разовому пропуску. Гораздо бóльших размеров, она была организована по типу открытого пространства. Та, в которой работал он, относилась скорее к традиционному типу, а это был большой, светлый белый, зал, почти пустой. Как будто что-то смутно напомнивший ему!.. Что-то очень далекое, забытое, как сон. И поначалу он даже слегка позавидовал работавшим там: в достаточной независимости и в гораздо меньшем контакте, как ему показалось. Но нет, это было ложное ощущение, и оно почти сразу сменилось другим. Неприютный, пустынный зал – одно аналитическое оборудование и всего несколько сотрудников, затерянных в зале. Следующей мыслью, пришедшей ему в голову, было: чем именно занимались здесь его коллеги и почему допуск на этаж был так строго ограничен? В целом от посещения остался неприятный осадок.

В любом случае, свою работу он точно не любил. Но не любил и субботы, и воскресенья. Не любил выплеснувшиеся повсюду толпы людей, свободных от работы, направлявшихся загород. По правде говоря, он не находил настоящего уединения даже в четырех стенах собственной квартиры, ощущая чье-то присутствие даже за стенами. Мизантропия или паранойя?.. А он сваливал всё на бессоницу!

Человек способен не спать дней десять-одиннадцать, как правило даже гораздо меньше: начинаются галлюцинации, он становится угрюмым и перестает отвечать на вопросы окружающих... Бывает еще болезнь, но она кончается смертью в относительно короткий срок! Он же совсем не чувствовал себя плохо, чувствовал себя странно – это да... В течение рабочего дня, время от времени, Нэлл вставал, брал свою дежурную пачку сигарет (кажется, всегда одну и ту же!) и уходил как бы на одиночный перекур, хотя вообще не курил. Сколько времени еще он собирался продержаться на таких условиях?!..

Где он бывал в свободные от работы дни? Кажется, ездил загород на электричке в поисках одиночества, хотя для того, чтобы выбраться за пределы города, нужно было прежде неизбежно окунуться в толпу. Прав на вождение машины у него, судя по всему, не было, да и машины – тоже. Но, зато, как уже выяснилось, он умел управлять самолетом! Может быть, был когда-то пилотом. Ну да... Кем он только не был: и штурман, и капитан!

А что он знал о своей семье? Была же у него где-то семья! Однажды он подумал удивленно: «Мети... Метис, Метида... Что за странное, красивое, не простое, мифическое имя!»

Он знал ее? Кто-то из его родных? Но так и не смог вспомнить. И побоялся придумать себе что-то несуществующее! Были ли у него где-то родные, друзья, которые думали о нем, искали его, которым его не хватало? В снятой им квартире нашлось крайне мало его личных вещей – почти ничего. Всё говорило о том, что он поселился здесь недавно и не собирался оставаться надолго. Нашелся рабочий пропуск, но никаких других документов, удостоверявших его личность не было! На основании чего его приняли на работу в лабораторию?.. В почтовом ящике – лишь реклама и квитанции по квартплате. Нэлл мог бы выяснить что-то у хозяина квартиры, но оказалось, что всем занималось агенство по аренде жилья. В агенстве не смогли ему обьяснить ничего, они там что-то напутали и казались растерянными: не было и следа от его контракта. Он был немало удивлен. Несомненно, заключение договора предполагала проверку его личных документов; он должен был их предоставить и при устройстве на работу! Нэлл ничего не понимал, но пока даже не пытался вникнуть в смысл произошедшего, решил отложить всё на время.

Но что с ним произошло?.. Он был долго болен? Может быть, недавно вышел из больницы? Кажется, Нэлл не числился на диспансерном обслуживании, как страдающий каким-то хроническим заболеванием. В теории, ему требовалось медицинское обследование, но он никогда его не проходил. Полиция, тоже, по-видимому, не занималась «его случаем». Его не курировал невролог, психотерапевт, инфекционист или нейрохирург, хотя он сам, почти без сомнения, относил свою амнезию к последствиям какой-то аварии. Пусть не оставившей видимых следов физической травмы. Возможно, это случилось с ним в другой лаборатории. Отравление каким-то химикатами?!.. Но какого-то другого типа «ущерб» проявлялся в эпизодически случавшихся с ним странностях. Деперсонализация...

Мир разрывался на кадры и застывал. Остановившаяся вдруг струя воды рассыпалась на капли, зависшие неподвижно в воздухе! Или... край приходящей картины накладывался на край картины уходящей смазанным следом перехода. Он даже нашел обьяснение этому феномену: «акинетопсия», неспособность воспринимать движение, которое распадается на последовательность статичных кадров. Черепно-мозговая травма!

Что его удерживало от посещения врача? Как давно он делал себе анализ крови? И что всё это могло означать? Последствия инсульта, механическое повреждения мозга, зрительной коры, прием антидепрессаторов, наркотиков... Он понадеялся, что ничто из этого его не касается! И не хотел думать, что в прошлом он что-то делал с собой: экспериментировал на себе или принимал участие в каком-то эксперименте. Последнее слово как-то особенно коробило. «Подопытный» в какой-то лаборатории!?!..

Акинетопсия? Не только! Приходили разные, не касающиеся медицины, чисто технические термины. Таймлапс, интервальная сьемка с эффектом ускоренного движения, а затем еще гиперлапс, динамичный, безумный, хаотичный, следующий за движением разорванных кадров! Дверь лифта, открывавшаяся рывками, и рывками продвигались вперед, словно поглощаемые дверью, группки людей... И вдруг она оказывалась перед ним уже закрытая, а он испытывал легкий шок. Иногда мир распадался на отдельные замершие фрагменты, или он сам провоцировал в себе все эти виде́ния?! «Синдром деперсонализации... дереализации»? Когда мир превращается в чужой нереальный, призрачный театр теней. Но нет... он не был болен!

Как его воспринимали окружающие, и как он сам воспринимал себя? Кажется, Нэлл упорно избегал собственных отражений в зеркалах... В квартире его было всего одно маленькое зеркальце для бритья, вот только выяснилось, что он совсем не брился! А в общественных местах: в транспорте, магазинах, кафе – ему случалось неожиданно увидеть себя и... не всегда сразу узнать, с некоторым запозданием и удивлением.

Он избегал зеркал, был слегка бледен и почти не ел... По сути, не ел ничего! Как такое обьяснить?! Но уж точно не испытывал потребности в питании «донорской кровью»! Нэлл усмехнулся. Потом усталым жестом стянул простую резинку с волос, запустил пальцы в осво-

божденные пряди. Сколько раз он обещал привести себя в норму, чтоб не вызывать у окружающих неверные предположения на свой счет!

В прошлом он принимал участие в какой-то игре?.. Странное предположение. Он не помнил ничего из своего прошлого, но ему казалось, что он всегда носил длинные волосы. И не для создания персонажа! Кажется, он не участвовал ни в каких ролевых играх: ни в полевых, ни в павильонных. При этой мысли Нэлл лишь слабо ухмыльнулся. Группа людей в захудалой роще за городом... странно одетые взрослые... Нет, всё это не для него! Если б только не одна игра, о которой он прочел где-то случайно. «Не поддавайся сну». Игрок, серийный бессонник, борющийся с кошмарами, пытается не спать и оставаться бодрым любой ценой, с серьезным риском сойти с ума. «Теперь ты один из нас, Пробужденный!» Да, что-то в этом роде!

Испарина на лбу... Он увеличил изображение до предела. А оно заслонила весь мир. Сгусток энергии. Совершенство! Разве можно так думать о себе!?! Совершенство простоты... Пустоты, лучше сказать! Всё отсутствовавшее казалось не больше, чем ненужным мусором. Новый функциональный тип ткани? Он назвал бы ее... «Светящаяся!»

7. Иноплетянин. Бегство

... На мгновение ему стало сильно не по себе, всё поплыло перед глазами. Потом сразу прошло. Захотелось резко встать, откинув лабораторный табурет и выйти как можно скорее из комнаты, ставшей вдруг невыносимо тесной, душной западнёй. Что на него нашло, что он делал!?!.. Должно быть, его организм и его дух действительно обладали сильной выносливостью, если позволили ему всё это время находиться здесь!

Как биохимик оценивал свое состояние? Он почти не ел. Это нельзя было назвать даже формой строго ограниченного вегетарианства или монофагией, одноедением. Возможно, какая-то фобия, избегающее расстройство? Нервная орторексия: навязчивое стремление к здоровой и чистой пище? Или же ничего из вышеперечисленного, а что-то вроде его личной философии – воздержание от мирских удовольствий аскета, питающегося один раз в сутки! Подобие религиозного голодания. И еще, Нейл... Нэлл почти не спал: сомневался, что спал. Но это был уже совсем другой разговор.

Если он был фанатик-экологист, то где он находил экологически чистые продукты? Недостаточно было посещать травяную лавку или местный рынок, где лишь прикоснувшись к товару под бдительным взглядом торговца, он сразу понимал, что лучше этот товар не брать! И тогда, раз за разом, начинал сокращать число посещаемых мест. Можно было удалиться на какое-то (порядочное!) расстояние от города, чтоб найти «честного крестьянина» и заключить с ним договор. Стать его почти единственным чокнутым клиентом: зажравшийся и неплохо обеспеченный горожанин, которого не грех и надуть! И наконец, крайний жест – периодические поездки в дальний лес на подножный корм.

А Нейл, где-то далеко, подумал, что речь шла не о худшем из миров, окутанных невидимым обычным зрением темным туманом. Хотя едва ли это намного меняло дело. Если он не был отравлен, то энергетически истощен – несомненно. Конечно, он мог пополнить энергию не из еды, а другим путем! Ему всегда оставались ветер, солнце, энергия подземных источников и минералов! И когда Нэлл окончательно ослабевал, он уходил бродяжничать, далеко, очень далеко.

В той лаборатории он пробыл относительно недолго, но достаточное время, чтоб вызвать у своих коллег «полное к нему отвращение». Разумеется, это затрудняло их совместную работу, хотя его и не бойкотировали открыто. Затем наступил такой момент, когда злословившие смирились с его присутствием, как с неизбежным злом. Казалось, что он сам каким-то образом заставил их игнорировать его.

Особенно женщины... те буквально забывали о его присутствии, не сразу спохватываясь, когда разговор не вполне предназначался для мужских ушей! И однажды ему пришлось деликатно кашлянуть, чтобы вовремя остановить коллегу, начавшую переодеваться в его присутствии. Она смеялась, как девчонка, скрывая свое смущение, пытаясь понять, как такое могло произойти – не заметила его в упор!

Нет, он пытался установить какой-то контакт, но все его достаточно неловкие попытки проваливались. К примеру, выраженный вслух, никем не ожидаемый совет... И что еще хуже, оказывавшийся действенным, что приводило окружающих в полное недоумение! А он сам был уже не рад тому, что вмешался в чужие дела! Хотел бы он быть способным точно так же давать советы самому себе. Кажется, коллеги теперь развлекались тем, что время от времени намеренно тестировали его заданными врасплох вопросами. И немало удивлялись его способности отвечать «впопад», несмотря на отсутствующий вид.

Еще одна, более грандиозная глупость, совершенная им... Коллективный поход в местную кофейню: все вместе, поболтать в уютной атмосфере под музыку... Он согласился, хотя

бы, чтоб не казаться параноиком, неспособным проглотить кусок в присутствии людей! Или жмотом, который не хочет платить за компанию, согласно устоявшемуся ритуалу.

– Пей, пока кофе не остыл, – заметил один из коллег, в то время как Нэлл делал вид, что слушает разговор, а тем временем прикрывал чашку рукой, ожидая, что жидкость испарится под ней! И получалось!?!.. К неподдельному удивлению коллеги он продемонстрировал фокус: пустую чашку... Ошибка за ошибкой! Тот выпучил глаза в недоверии, хохотнул в замешательстве.

И несмотря на это, какое-то время Нэлл искренне верил, что этих его усилий вполне хватало, чтоб установить со всеми по крайней мере ровные отношения. Пока однажды не прочел по губам говоривших на расстоянии что-то, что ему не следовало слышать: «Инопланетянин!..». Он не был вполне уверен, что читал по губам и даже не знал, как это у него получилось, но он каким-то образом слышал! Существует же феномен «бессознательного видения» у людей с повреждением зрительной коры. А у него было бессознательное слышание! Теперь Нэлл знал: за глаза они называли его «инопланетянином», и это прозвище уже закрепилось за ним.

Он не принял произошедшее слишком всерьез, хотя вскользь подумал, что, действительно, пора увольняться!

Видно, он только и делал, что увольнялся. Где он жил и работал до сих пор? Какую вел жизнь?.. О которой ничего не знал! И даже если он был «космическим подкидышем», полным сиротой, то хоть кого-то из прежней жизни должно было интересовать его исчезновение?! Но может быть, у него не было даже приемной семьи, и не было никогда никаких друзей. Никого... Никаких доказательств его прежнего существования!

Какой-то голос... даже голоса... возникали внутри него временами, неясно шепчущие что-то, неразличимые слова непонятно на каком языке. Они смущали его, «земной Нэлл» боялся безумия. Ему снился какой-то сад... Это был даже не сон, что-то другое. Сад нереально огромный, бесконечный, прекрасный. Могло ли такое существовать где-то на самом деле?! И какой-то старик разговаривал с ним о чем-то. (А может, и не старик, седоволосый, но с удивительно молодым лицом. Удивительно знакомым!) Всё было странно.

... Инопланетянин? Они и не подозревали, до какой степени были правы. Странные сны наяву. Иногда прямо в лаборатории – где не положено отвлекаться! – на рабочем месте. Сидя на табурете лицом к стене, Нэлл молча созерцал что-то ненужное ему, а видел совсем другое. Однажды ему случилось увидеть без микроскопа молекулярный состав предназначенного для анализа образца! Молекулы «вибрировали»... Звучали особым звучанием, а он его воспринимал!

– Эй, что это у тебя там вспыхивает?..

Его окликнули, и он вздрогнул внутри, сходу бросил что-то про «отсвет», не вдаваясь в пояснения, не оборачиваясь. Но внутри себя замер. Он заснул?.. Уши слегка заложило, как ватой. Мир вокруг замедлился. Ему казалось, что его глаза действительно испускали короткие вспышки! Всего лишь отблеск на стеклянной посуде, а он чуть было не поддался воображению. Может быть, ультракороткая волна?.. Он обладал способностью к эхолации, как летучие мыши?! (Нэлл иронизировал.) Рамановская спектроскопия? Световая волна, упавшая на молекулу, передает ей или забирает у нее часть энергии. Молекулы вибрировали, звучали, почти как музыкальные ноты, а он узнавал их! «Видел» одними глазами!

Нэлл поднял глаза, улавливая свое смутное отражение в щитке ламинарного шкафа ниши для стерильных работ. Зачем он здесь..? Может быть, именно для этого: чтоб понять что-то о себе самом! Зрение у него было отменное, он видел невероятно далеко и вблизи, даже мельчайшие пылинки. Но имело и странный дефект: его собственное отражение словно плыло, мутнилось...

... Он был один в лаборатории и изучал образец биологической ткани... собственной! Если это был сон, то это был «биологический кошмар». Кошмар по-своему восхитительный.

Нечто, что могло бы произвести революцию в научном мире, если б только речь не шла о нем самом, его собственной микроанатомии! Нэлл старался не поддаваться панике, сохраняя трезвость суждения. Следовало провести все комплексные исследования. Обычное изучение характеристик поверхности: электрические и магнитные свойства структуры, молекулярная композиции отдельных частей, миграция и превращения в ней веществ... – дело далеко не минутное. Но какой в этом смысл? Подобного не должно существовать, и точка. Бред! Результат его хронической бессонницы! Ночью он не засыпал по-настоящему, а просто на время забывался и блуждал, блуждал где-то...

Он слышал про человека, который не спал годами, однако тот в течение дня то и дело незаметно для окружающих отключался на считанные мгновения, то есть, по сути спал. Сейчас он, Нэлл, закроет глаза, откроет их снова, и – ничего нет! Ущипнуть себя и «проснуться»! Нэлл не пошевелился и не закрыл глаза. Тошнота. Подобие тошноты. Подсознательное отвращение к этому миру, неприятие его, недоверие, выливалось в отказ от еды и питья, не позволяло расслабиться и уснуть! Но если это еще можно было как-то обьяснить с психологической точки зрения, то как обьяснить... полное отсутствие физиологических потребностей? Как он, биолог, обьяснял себе это?!

Нэлл поднял глаза и посмотрел на телефон, зная, что сейчас, в эту самую минуту, аппарат зазвучит. И знал, что не ответит, потому что у него было слишком мало времени. С минуты на минуту мог кто-то войти в комнату! Сегодня он приехал в лабораторию чуть раньше, но не настолько рано, чтоб вызвать подозрение на проходной. Ну естественно, он знал, всё происходящее здесь находилось под неусыпным контролем телекамер: система слежения тщательно мониторировала здание, хотя их лаборатория не относилась к категории высокого биологического риска! И тем не менее в их исследованиях существовала какая-то темная сторона под прикрытием внешне банальных лабораторных работ. Несмотря на официальный низкий уровень биобезопасности, вход в некоторые лаборатории был строго ограничен. Но никто из его коллег, по сути неплохих специалистов, похоже, даже не пытался вникнуть в суть происходящего.

Чем именно они здесь занимались? Он думал об этом в автобусе, по пути в лабораторию. Возможно, при приеме на работу они все подписали обязательство о неразглашении служебной информации. Вероятно, существовали какие-то предписания, ограничивавшие его и коллег в обсуждениях, выходящих за узкие рамки их должностных обязанностей. И он тоже подписал что-то, о чем начисто забыл?!..

Тем не менее, казалось, они не занимались ничем, что можно было бы назвать странным: исследовались в основном ферменты разной специализации, а в частности, гликозилаза NEIL1 и ее семейство. Гликозилаза, участвующая в исправлении дефектов в структуре генетической информации, распознающая и удаляющая повреждение, – чрезвычайно важная в своей ключевой роли. NEIL1, его почти тезка, – забавное совпадение, вызывавшее, разумеется, неизменные шуточки со стороны его коллег.

Фермент действовал в природе спонтанно: распознавал повреждение, удалял его и способствовал быстрому восстановлению «кристаллической структуры» ДНК. Сохранял целостность генома и был безупречен в своей работе по сравнению с хитроумными методами, изобретенными в лаборатории!

Но проект, которым занималась их лаборатория молекулярной иммунологии, официально назывался по-другому: «Разработка новых идей в области регуляторного ацетилирования белковых ферментов». Речь шла о другом механизме, связанном с белком p53. Его называли еще «стражем генома». Один из регуляторов энергетического метаболизма, генов, ответственных за энергопроцессы. В случае серьезных повреждений он был способен активировать гибель клеточной ткани.

Логика в их работе была примерно такой: по некоторым данным p53 мог взаимодействовать с Neil1, и в условиях нелетального стресса Neil1 тормозил его активность, способствуя выживанию организма. Правда, требовались еще дополнительные исследования. А следующей целью было моделирование работы новых, мощных ферментов, с помощью которых можно было бы создать еще один уровень защиты генетической информации. Гипотетическая третяя, четвертая, или даже пятая линия защиты.

В общем, казалось, ничего странного, и тем не менее Нэлл задавал себе вопросы... Кого-то особенно интересовало взаимодействие «стража генома» именно с ферментом Neil1, ферментом, отказавшимся от цинковой зависимости в результате мутации, произошедшей в далекую геологическую эпоху.

(Мелькнула смутная мысль, пронеслась стремительно: «Цинковый мир! Пришедшие... Безумная космическая глушь...» И – угасла мгновенно.)

Чем конкретно занимались соседние с ними лаборатории? Их было около десятка. И в каждой велась какая-то параллельная работа. В лаборатории, которую он посетил по одноразовому разрешению, изучали белки гомологичной рекомбинации... Как он это узнал? Паранойя: ничем не объяснимая мысль сама пришла ему в голову!

Изучались белки, восстанавливающие повреждения генома с помощью здоровой геномной последовательности, в том числе принадлежащей другому организму. Это было относительно новым направлением исследований: использование доноров. Для восстановления структуры, которую организм не мог восстановить самостоятельно, применялся материал, полученный ксеногенным путем, если донором было животное, и аллогенным – если им был человек. Однако на тот момент рекомбинация была еще достаточно сложным и небезопасным процессом. Между тем, казалось, руководство всего научно-исследовательского учреждения не имело единой четкой стратегии и буквально «блуждало в потемках».

Заблудившиеся в трех соснах, совершенно дизориентированные... В какой-то момент у Нэлла вдруг возникло четкое ощущение: это не он бредит, а вокруг него все спят наяву! Он был единственным, кто не спал. Высшее звено управления казалось заторможенным, а рядовой персонал с «промытыми мозгами» работал совершенно механически. В то время как он... был порядочным мизантропом!

Но в конце концов, что интересует больше всего рядового сотрудника? Работа?.. Нет, конечно. Каждого человека интересует прежде всего его личная жизнь, интересует заработок, и кое-какие интрижки на месте работы. Вот и организуются корпоративные праздники и прочее, служащее для сплочение рабочего коллектива, дающие возможность руководству промониторить настроение персонала.

Настоящий кошмар для интроверта! Совместный выезд на природу, гриль... это он еще как-то переносил. Хуже дела обстояли с ужином в ресторане, с финальным караоке. И еще игры... Для Нэлла это было настоящее испытание: вместо того, чтобы помогать адаптации вновь прибывшего, лишь усугубляло его положение. Возможно, с ряда работ он уволился из-за одних только празников в коллективе! Проскользнувшая мысль была иронической, Нэлл был еще и немного циником!

В любом случае он предпочитал спокойную, уединенную работу. А это психологический склад, отличающий тип сотрудника-свободолюбца. И в этом смысле традиционная лаборатория, наверное, могла бы быть местом для него, но не была таковым! И здесь существовали перерывы, свободное от работы время, которое следовало почти неизбежно посвятить общению. Построении команды в работе или в игре, участие в миссии, квесте...

Квест, поиск выхода и бегство, – последнее звучало для него странно знакомо. Игроки попадают в некую ловушку, состоящую из ряда комнат, откуда им следует вовремя выбраться, не прибегая к помощи администрации. Это напомнило ему что-то тягостное! Какой-то его повторяющийся сон, не вполне сон: бег по лабиринту, бесконечные комнаты, коридоры, лест-

ницы... Только то была совсем не игра! Нэлл просто ушел с мероприятия, не потрудившись никому ничего обьяснить.

Рассказы о себе – типа «аутинга» – всё это было, явно, не для него, не приближало его к окружающим, а только лишний раз подчеркивало его непохожесть и обособленность. Но он пытался!.. Нельзя сказать, что он совсем не пытался. Однако вынужденное участие в квесте было для него как бы последней каплей.

Он предпочел бы выезд на природу, пусть даже с коллективной греблей на байдарках! А еще лучше, одиночное бегство. С этим он, наверняка, справился бы!

Чей заказ они выполняли?.. Кажется, так повторялось уже не раз: рано или поздно он начинал задавать вопросы, и мысли его как будто прояснялись! Но на этот раз его вопрос был обращен к одному из работавших с ним в группе: что тот знает о происходящем в их научно-исследовательском центре? В ответ на какую-то долю мгновения Нэлл увидел... нет, это было не удивление... пустые глаза человека, совершенно пустые! По сути, уже после того разговора ему не стоило больше сюда возвращаться.

Растущее смутное чувство тревоги. Опасности! Но назавтра Нэлл все-таки приехал рано утром в лабораторию. А пока ехал в автобусе, видел неким внутренним зрением – поверх ускользавших за окном автобуса улиц – сцену того, «что должно было случиться»... Может быть, он проник в эту темную организацию намеренно, чтоб саботировать работу?! Может, настоящей целью его было проникнуть на другие этажи, в другие лаборатории, чтоб узнать, что там происходило?..

Он видел себя, снимающего лабораторный халат и выходящего, с вечной пачкой сигарет в руке, под пристальным взглядом одной из сотрудниц, оторвавшейся от наблюдения в микроскоп. Та, что еще совсем недавно следовала за ним по пятам на улице, прячась за каждым углом!

Однако, он не был уверен, что это произойдет именно так: будующее всегда многовариантно.

– Подожди... Это что?!.. – кто-то позади него издал изумленное восклицание. Нэлл знал, кто: «Вечно-сующий-свой-нос»! Как он мог не заметить его появление?! Он, всегда знавший, что происходит у него за спиной! Склонившись слишком близко к нему, тот смотрел поверх его плеча на монитор; Нэлл едва сдержался,чтобы не оттолкнуть его в сторону, воротило от смеси тяжелых запахов, следов бритья и душа. И в следующий момент он уже стоял на ногах напротив коллеги. Абсолютное спокойствие. Просто молча, пристально смотрел ему в глаза. Очень прямо, очень пристально и очень спокойно.

Тот пробормотал:

– Не понимаю...

Явно пытаясь припомнить, зачем остановился у его стола и что хотел у него спросить. Теперь Нэлл не только прочитывал пустоту в глазах человека, он обнаруживал в его голове подобие вязкого мрака, которым тот не управлял. Но если Нэлл был способен каким-то образом ощутить этот заслон, значит... он сам был от него свободен?!

(Слово «заслон» привело в смущение «того другого Нейла», где-то, в каком-то далеком саду...)

Нэлл был дизориентирован, мысли летели. Что если его присутствие здесь было совсем не случайным?! Его амнезия имела какое-то отношение к происходящему?.. Что если его специально «привели сюда за руку», как тогда?.. Как тогда?.. Он сам не знал, о чем он думал. Бред! Но что бредом не казалось, что-то вполне реальное.

Реальное?.. «Космический корабль»! Они набирали в состав экспедиции обладающих его способностями. А он от чего-то бежал! Что за «космическое безумие»?.. Какой-то эксперимент. Он нуждался в той экспедиции, потому что не имел никакого другого выбора. Не имел?.. Никакого!

Мысли замелькали молниеносно. Но у него не было времени разбираться, было ли его присутствие здесь пилотированным кем-то, или это была очередная вспышка его личного безумия. Ощущение опасности было теперь четким и словно запульсировало внутри него, неожиданно резко!

Раньше его шестое чувство если не молчало, то не было настолько отчетливо реальным, теперь же как будто упала последняя завеса. Интуиция, которой Нэлл-Нейл привык доверять, советовала не возвращаться домой. В конце концов, там, в чужой квартире, не осталось ничего, в чем бы он нуждался. Уходить. Прочь отсюда! Из лаборатории, из города!..

Он снял с себя халат и, замедленный как во сне, забрал свой образец из сканера, едва кивнул еще не пришедшему в себя коллеге, кинул какое-то банальное обьяснение. А внутри посоветовал ему еще раз забыть обо всем и о нем тоже забыть! Слова, мысли растягивались вязко. И пока Нэлл шел по коридору, ему казалось, что он идет вброд, против течения. Это ощущение замедленности, заторможенности не исчезало, словно само это здание... сам этот мир... пытались задержать, не дать ему уйти. Когда он вышел, город вокруг был как будто подернут дымкой, погружен в мутный, серый свет. А это опять напомнило ему что-то другое... Такая игра! Не вполне игра. Нет, не квест. И не сон. Странное здание без границ, но всё же не бесконечное. «Дом-ад», как он его называл. Выход за его пределы означал относительную безопасность. Серый город вокруг. И нужно было замести следы: свернуть, еще раз свернуть на следующую улицу!

Дом-ад... Нейл, бегущий по коридорам, раскрывающий двери комнат почти наугад, спускающийся бегом по лестницам, прыгая через ступени, почти уже летя. «Прежде чем они успеют... Скорее!» Они! А он – еще мальчишка...

8. Совсем не игра. Эскейп...

... Нет, это была совсем не игра! Он, еще мальчишка, брел по городу, рассуждая сам с собой. С кем еще он мог говорить?! Как он относился к этому городу и к людям, которые ему тут встречались... Хороший вопрос! Да, он устал, порядком вымотался от всего окружающего, но пока он еще здесь. Думая так, Нейл устремил взгляд вглубь двора, потом пересек его, на всякий случай оглядываясь по сторонам. Двор, хоть и зеленый, был крайне запущенным: безликие кубы домов перемежались с пустырями и мусорками. Подводя итог, насчет городов...

Всё было порядком странно. Он же временами становился поневоле злым. Боги могут впадать в отчаяние? Что за странная мысль: про богов. Шел и вспоминал...

... Сначала они тащили его волоком, а потом бросили «в пещерах» (так он называл их трущобы!), в пустой комнате, на грязном полу; просто решили, что он конченый. Они всегда плохо делали свою работу: как им и полагалось, тупо, а иначе, не оставили бы его одного. Те... другие, наверняка, не оставили бы: они знали, на что он способен, даже полумертвый! А на что он был способен?..!

И, что странно, до сих пор он сумел каким-то образом избежать любого контакта с ними. Так он их называл: просто «Они»! Однако никто ничего ему не гарантировал, здесь никому нельзя было доверять.

Нет, всего лишь показалось!.. Кажется, путь был свободен, и всё же его сердце временами принималось стучать. Когда Нейл был более-менее спокоен, он принимался рассуждать. В городах проще затеряться, поэтому он и оставался здесь, а еще потому, что не терял надежды найти какой-то выход. Который, несомненно, был спрятан где-то в дебрях городских трущоб...

И так он шел дворами. Дома были почти все одинаковые. Зелень... Попадались какие-то насаждения, типа «огороды у подъездов», но не те, что могли бы привести кого-то в восторг. Пейзаж унылый, и настроение у него было ничуть не лучше. Но и жаловаться особо не приходилось. Ведь в нем еще оставался тот необходимый минимум «заряда», и в случае чего он сумел бы уйти по крышам. По крышам, в буквальном смысле слова, и еще по вершинам деревьев – лучше, чем зависнуть у всех навиду, над головами прохожих! Но в этом городе оставалось очень мало растительности и поэтому настоящим спасением были лишь крыши многоэтажек.

Иногда бывало очень нелегко заставить себя шагнуть в пустоту!.. Не умеющим летать такое нельзя посоветовать! Нейл-мальчишка стоял высоко над землей и смотрел вниз, а внизу толпились те самые тупые, которым временами было не лень поохотиться за такими, как он. Разинув рты, смотрели снизу вверх на него, стоявшего у самого края крыши, и комментируя, ждали от него чего-то... Прыжка?! Кто он был для них? «Бог»?! Захипованный бог... беспредельщик! Да нет, скорее какой-то маргинал... выродок! Раньше ему даже льстило или казалось забавным, что они глазели на него, но теперь он уже давно завязал с подобным ребячеством.

Когда он был не особо в форме – всё чаще в последнее время! – то любая стенка, городской сарай могли оказаться вполне подходящими в качестве стартовой площадки для взлета. Беда только в том, что он иногда оказывался не способным взлететь даже на уровень трансформаторной будки! А что толку шагать, приподнявшись в полуметре над землей, разве что не запачкаешь грязью ноги. Но случалось так, что ему приходилось собирать всю свою волю в кулак в считанные минуты! И если уж совсем ничего нельзя было сделать, то... То оставался лишь «трэйсинг», бег по стенам: стены, парапеты, заборы и перила... – что-то вроде городского экстремального скалолазания! И вот тогда, в каком-то смысле, спасали эти грязные, беспорядочные дворы и редкие деревья, которым удалось как-то выстоять, вырасти, дорасти до уровня третьих, даже четвертых этажей.

Они, “организаторы этой игры”, сделали из него неплохого паркуриста, бегущего фрираннера!

«Да нет, конечно, никакой не экстремальный городской спорт! И не игры, какое-то время так увлекавшие горожан: эскейп-бегство, квест-поиск... – так думал где-то за экраном Нейл, давно уже не мальчишка. – Что-то совсем другое, от чего мальчишка охотно отказался бы, если б только мог!»

Теперь он шел немного на авось, хотя направление всё же более-менее знал. Вот, очередной пустырь, свалка, а следующий крупный микрорайон на другой его стороне. Вокруг какой-то железный лом, разбитые шкафы, грязные, продавленные матрасы – хлам разного рода, и всё это поросло далеко не живописным бурьяном. Нейл взобрался на бугор и окинул взглядом поле чудес, воображая, как сейчас перелетит его длинными прыжками, отталкиваясь не от захламленной отбросами земли, а от воздуха. Проблема только в том, что пока он отвлечен и рассеян, нет до конца уверенности, что кто-то в этот момент не наблюдает за ним издалека. Кто-то, кто может поджидать его на другой стороне поля!

Но кажется, «администраторы»... подсказчики игры, на время потеряли его след! «Ладно, – сказал он сам себе, слезая с холмика, – нет необходимости нарываться, когда никто тебя на это не вынуждает!» В конце концов, он никуда не спешил и мог сделать крюк, дойдя до нужного ему места дворами, в обход пустыря.

И именно в этот момент его интуиция сработала мгновенно где-то на уровне солнечного сплетения. Нейл, ни секунды не раздумывая, резко свернул, буквально долетел до следующего угла, потом – через газон, полный сорняков, сокращая путь вдоль стены, где тянулась узкая отмостка, полоска разбитого асфальта. Пробежка через несколько кварталов совершенно безумная... «Успею!?!..» И под конец позволил себе остановиться, перевести дыхание: в самом деле, не вел ли он себя, как параноик?! Потом собрался и... И отталкнулся от земли!

Еще раз отталкнулся, но уже от слоя воздуха под ногами. Этого было недостаточно, совсем не достаточно! Еще один толчок вверх, с силой, собрал под собой всю энергию, даже призагреб руками. Но он был не в воде, и это действовало не так. Руками в воздухе себе не поможешь, даже если воображаешь себя какой-то странной, глючной птицей!

И под конец ему всё же удалось! Радость накатила на него, когда он достиг вершин самых высоких деревьев, а раздолбанный тротуар остался далеко внизу. Мог он или нет защитить себя подобным образом, однако поднявшись в воздух, Нейл-мальчишка всегда начинал кайфовать! Энергия взлета – это действительно дар! Еще немного подгреб руками, держась поближе к деревьям, на случай, если появится какой-то прохожий. Прохожих не было. На высоте он был один и в относительной безопасности, хотя в последние времена всё очень быстро менялось и не было больше ни в чем уверенности. Но пока его волновало только это: на сколько ему хватит сил, чтобы удержаться в воздухе. Впрочем, казалось, что сам полет подзаряжал его...

Для большей уверенности Нейл сделал ещё несколько взмахов и поднялся выше, направляясь к многоэтажке. И вот он уже там, встал как всегда на краю, а настроение было уже совсем другое. Немного захватывало дух. Может, он и правда был раньше птицей? Это чувство свободы... он знал, что может всё! Ну, в общем, отчасти бог! Кто-то из ребят придумал это: «про бога». Или нестандартный. Нестандартный – это точно, а бог из него никакой! Просто он еще молодой, и у него пока не всё получается. В этом всё дело! Вот и приходится пока бегать... Искать разные ходы, играть в Их игры!

... Нейл поднял руки вверх, впуская в себя чистый, полный ароматов воздух Сада. Он дышал? Дышал, и значит был реально жив! И совсем не чувствовал себя каким-то странным существом! Куда увлекли его фантазии? Всего лишь остатки эйфории! Еще совсем недавно – до купания в несуществующем озере – он расслаблялся за чаркой нектара вместе со своим другом, Кайтом, в его несуществующей оранжерее-библиотеке. Почти ничего, всего лишь капля абсента с экстрактом эфирных масел горькой полыни, токсичным туйоном. Крепкий, со слад-

ким привкусом черной акации катеху. Он рассуждал так, как будто был большой специалист в приготовлении таких абсентов. Впрочем, галлюциногенные свойства этого напитка сильно преувеличены. И с чего он взял, что это был именно абсент? И почему решил, что библиотека и озеро не существовали?! Однако, всё исчезло в один миг. Как и его собствнная библиотека, которую он посетил перед этим. Темная, таинственная, бесконечная...

В этот момент его подруга, Малива, обернулась и улыбнулась ему. Они стояли рядом на тропе. А он подумал, что прежде приготовленный ею нектар был, пожалуй, покрепче любого абсента! Выпитое спровоцировало в нем что-то вроде синестезии: краски Сада звучали, а звуки превращались в переливы красок.

– Вот, теперь попробуй это...

Мелодичные и мягко шепчущие звуки странного языка очаровывали его своей тональностью. А он до сих пор не выяснил, что это был за язык! Женщина с улыбкой протянула ему на ладони пару самых обыкновенных зрелых черных ежевичин. Ягоды... горели. Он видел это, в самом деле! Нейл взял только одну и положил на язык, ненамеренный ни разжевывать, ни глотать, лишь ощутить ее вкус во рту. Но она мгновенно растаяла – нечто шипучее. Маленькая ягодка оставила разные вкусовые оттенки, сложное послевкусие. Такое уже бывало с ним раньше: подобие легких мурашек-искорок на языке и стремительный ток невидимых частиц, ринувшихся циркулировать по всему его телу. Всего лишь капля налитого солнечной радиации сока!

Струилась вода... чистые источники, они здесь были повсюду. Дорожка, по которой шли Нейл и Малива, вскоре привела их к настоящей зеленой стене: непролазное сплетение многочисленных тонких стволов деревьев и ветвей. Но Малива нашла вход внутрь «зеленого шатра», а Нейл последовал за ней. Целая рощица образовывала нечто вроде просторного древесного храма с бесчисленным множеством тонких колонн. Они вошли под его своды. Днем его зеленый потолок должно быть сиял, а земляной пол был сплошь усеян пятнами солнечных брызг; сейчас же, к вечеру, вокруг царил зеленоватый полумрак. Нейл был удивлен и очарован этим полусумрачным зеленым царством.

Там, здесь свисали прямо с ветвей развешанные кем-то сухие злаки, сухие цветы и корни, так что ему и Маливе приходилось то и дело наклоняться или отодвигать что-то нависшее у них на пути. Но за очередным отстраненным препятствием перед ними вдруг открылась просторная прогалина. «Зал», погруженный в почти мистическое зеленое сияние, в окружении лабиринта стволов среди которых таился загадочно сгустившийся сумрак.

В глубине зала стояли неподвижно, в некой статичной позе, две светлые женские фигуры, и дымка курилась вокруг них в косых полосах темно-золотого вечернего света. В этом свете одежда на женщинах казалась иззелена-белой. Они застыли как будто в ожидании приближения Нейла и Маливы, но их неподвижность казалась немного странной.

Молодая женщина, стоявшая вполоборота к ним, держала в руке сандаловую лучину, протянутую к лучу света. Другая, чуть моложе, разглядывала какой-то красивый, похожий на виноградную кисть пузырек, из зерен стеклистой пены. А Нейл заметил всё это, подходя, как заметил и то, что кожа обеих женщин, оттененная тем же зеленым полумраком, почти светилась, подобно зеленовато-розовому нежному фарфору, безупречная!

Но лишь когда они совсем приблизились, девушка, стоявшая ближе к ним, наконец шевельнулась, выходя из своей необычной, очаровавшей его неподвижности. Ресницы ее дрогнули, она бросила на Нейла взгляд, а он был поражен цветом ее глаз, ясных, интенсивного сине-зеленого цвета. Они напомнили ему глаза ручейной нимфы, привидевшейся ему в низине, за пределами Сада. Но это была не нимфа.

– Нейл! – тихо воскликнула девушка. Она знала его, и он, конечно, знал ее!

Ее звали Хлоэлла... или Хлоийя, Хлоэлья... И это имя, как все имена сиддхов, как будто струилось. Когда-то он носил ее на руках, маленькую «сестренку», светловолосую девчушку, у

которой были по-детски ясные глаза, и имя, значившее по-земному «молодая зелень, росток». Она относилась с сосредоточенным, серьезным вниманием ко всему, что он, «старший брат», показывал ей в Саду, но они почти не говорили, потому что она была еще слишком мала. Нейл же был очарован малышкой: в ее молчании таилось что-то загадочное. Что-то, что он чувствовал в маленьком Кайте и в своем брате Тарисе, и еще в других детях Сада.

Она выросла, стала совсем взрослой. Конечно, прошло столько времени! Пальцы ее рук мягко соприкоснулись с его инстинктивно протянутыми руками. Нейл, на мгновение взявший руки девушки в свои, изумился той легкой, светлой энергии, которая была заключена в одном ее жесте. Энергия, которая как будто мгновенно прошла сквозь пальцы и как бы даже слегка опьянила его! Но, возможно, он лишь вообразил себе всё это?

– Мама! – позвала она, оборачиваясь ко второй женщине. Обе, мать и дочь, почти одинаково молодые, были золото-рыжеволосыми. А он узнал и ее мать:

– Геммея!

Последовало другое энергетическое обьятие. В то время как еще только вчера он не смог бы даже приблизиться к ним, по причине той же самой энергии!

Одинаково молодые, но молодость Геммеи была как бы другого оттенка. «Гимийя... Гимэ-а...» – просклонял он внутри себя ее имя. Когда он ушел из Сада, ей было, по-видимому, примерно столько же лет, сколько ее дочери сейчас.

– А ты повзрослел, – с легкой улыбкой заметила она очевидное, голос ее прозвучал мягко. И она изменилась, красота ее стала зрелой. Глаза Геммеи, прежде отличавшиеся тем же зажженным зелено-бирюзовым свечением глаз ее дочери, со временем как будто потемнели до сизо-зеленого цвета штормящего моря, с черным обсидианом в глубине. Столько времени утекло куда-то, и та совсем молодая женщина ушла куда-то вслед за ушедшим временем иллюзорного мира! Ему вообразилась некая призрачная лестница, и не одна, а много Геммей поднимались по ней, одна за другой. Нет, не вообразил, а увидел в самом деле! И на этот раз это не был дефект восприятия человека, не способного видеть беспрерывную текучесть реальности. Просто мир, «освобожденный от иллюзии», распался на серию статичных кадров, отчасти накладывавшихся один на другой, как бы в размазанном шлейфе...

В его виде́нии призрачная Геммея на небесной лестнице была похожа чем-то на женщину-оракула, восходящую по мраморным ступеням реального земного храма, на верх холма окутанного плывущей дымкой токсичных испарений. Лучина в ее поднятой руке тоже курилась тонким дымком. А внизу, у подножия лестницы, осталась стоять Хлоэлла, младшая сивилла, с иззелено-бирюзовыми глазами гипнотической силы, державшая в руках пузырек из застывшей стеклистой пены с приготовленным для старшей провидицы лунным напитком сома. Нейл улыбнулся, потому что смешал совершенно разное. Ну разумеется, ни оракулы, ни сивиллы не готовили «сома»: напиток совсем других храмовых мистерий, позволявший в трансе достичь небес и общаться с богами. Напиток сомнительного происхождения! И тут он вдруг вспомнил еще что-то...

9. Чужие храмы. Небесная лестница и другое

... Кажется, Нейл вдруг вспомнил один из своих самых дерзких мальчишеских экспериментов в том мире за первой Гранью, куда ему и Тарису, еще мальчишкам, удавалось проникнуть! Удавалось проникнуть ему и провести за собой младшего брата.

И вот один раз, где-то там, он оказался стоящим напротив жреца, исполнявшего свои ритуальные таинства. Нейл стоял перед ним и одновременно его как будто не было... Всего лишь попытка проверить настоящую способность человека «видеть»! И если тот действительно чем-то отличался от остальных присутствовавших, то, несомненно, должен был бы его заметить! Тарис ждал Нейла в стороне, наблюдая, настороженный и озабоченный, и, разумеется, не вполне одобрял его действия.

– Я дам ему шанс показать, на что он способен! – оправдывался Нейл, насмешливый и самоуверенный.

Это был не гипноз! Он и сам точно не знал, как у него получается, просто сосредотачивался по-особенному и одновременно расслаблялся, как бы отстраняясь от самого себя: «Меня здесь нет!» И проецировался на ту часть человеческих глаз, которая называется слепым пятном, исчезая из поля зрения человека! Или, может быть, использовал те разрывы, что образуются во фрагментарном человеческом восприятии реальности. Тарис был еще слишком молодым, и у него это не всегда получалось. И еще, можно было воздействовать на человека по-другому: используя простую «слепоту невнимания». Потому что человеческий мозг удивительно рассеян и легко отвлекается!

По сути даже этих немногих усилий Нейл не делал, а люди вокруг становились будто невидящими. Но в тот раз... Стоявший перед ним жрец увидел его, и вскрикнув, потерял сознание. А толпа, где-то за спиной Нейла, глухо ахнула, увидев рухнувшего старика. И начала постепенно различать его, Нейла, проявлявшегося, как тень, потерявшего от неожиданности всякую сосредоточенность!

Они сбежали оттуда, как напроказившие земные мальчишки. Едва опомнившись, Нейл испытал стыд: возможно, его бездумное поведение, шутки были несправедливы, даже жестоки в отношение тех людей и опасны для них самих. Но они были всего лишь мальчишки!

Он действительно вспомнил всё это? Время сначала приостановилось, затем потекло в другом, замедленном ритме, и всё вокруг как бы замерло: листва, повисшая золотая дымка, сам вечерний свет.

Что он, будучи мальчишкой, знал о человеческих храмах?..

И снова ему вспомнился тот разрушенный, с покореженным стальным каркасом купола храм, развалины которого оказались для него почти захлопнувшейся ловушкой! Они были за Гранью, посреди леса, и некий «геодезический купол» привлек их внимание. А вернее, то, что от него оставалось: многогранник, собранный из множества довольно узких треугольников, скрепленных коннекторами, прогнувшийся под мощью некого удара и превратившийся в сложно спутанный лом! Любопытство заставило Нейла углубиться в развалины, а Тарис остался в леске ждать его возвращения. И когда неожиданно появились люди (те, что жили в том мире на развалинах собственного прошлого!), Нейл, почти лишенный энергии, обесточенный, едва успел взлететь под купол. Распластался наверху, под петлями непролазно частой стальной сети. Все силы его ушли на переход Грани и на помощь Тарису преодолеть Грань и теперь ему оставалось лишь глядеть вниз на карауливших его. А они ожидали, что он устанет «висеть», и сам спустится прямо к ним в руки! Единственной его надеждой на спасение был младший брат, скрывавшийся в лесу, пославший ему энергетический сгусток: крохотную шаровую молнию – всё, что было у него самого.

В то время Нейл еще ничего не знал о земных храмах и никогда не наблюдал человеческие ритуалы. Но позже – да, случалось. Непричастный и отстраненный, словно притянутый простым любопытством и еще как будто каким-то далеким, смутным воспоминанием, входил в место, куда простому прихожанину запрещено входить. Куда мог войти лишь избранный. (А в некоторых мирах вход был запрещен даже под страхом смерти!) Разве он был способен стать тем избранным служителем чужого храма, в котором возносились непонятные ему молитвы, которые он не мог принять? И что за голоса он слышал иногда? Непроизнесенные вслух слова, беззвучные голоса звучали где-то глубоко внутри него...

Помимо того, случалось ли ему вмешиваться в чьи-то дела, помогать, останавливать то, что должно было быть остановлено? Часто у него не было достаточно энергии, даже чтоб оградить самого себя от проблем! Но в юности он и Тарис, не имевшие еще достаточно сил и опыта, не раз неразумно вмешивались в дела людей! Воображая себя спасителями и нарушая таким образом первую заповедь земных сиддхов «о невмешательстве в дела временного мира».

– Твоя вина!

– Тарис!..

Брат шел к нему сквозь «золотую взвесь», солнечную дымку, рассеянную в полусумраке зеленого шатра, поддержанного тонкими колоннами стволов. Шел к нему из какой-то другой параллели, обходя фигуры трех женщин, застывших будто в катотонической неподвижности!

– Я не должен был вовлекать тебя. Прости! – признал Нейл, смиряясь с его обвинением. Не стоило вовлекать младшего брата в то, что его не касалось! Тот следовал за ним и делил по-братски его земной опыт, но испытывал ли то же самое, что испытывал Нейл? У Тариса не должно было быть никаких «земных долгов». (Если только они не появились в результате их мальчишеских приключений!) Но Тарис остановил его не произнесенное вслух излишнее самобичевание, сказал всего лишь:

– Ладно, брат, дело прошлого!

– Твои появления – всегда настоящий сюрприз, – заметил Нейл саркастически.

– Мой долг – прийти на помощь заблудшему старшему брату, – отозвался тот так же иронично и добавил: – Ты рассуждал сам с собой так громко, что по всему Саду разносилось эхо твоих мыслей!

Нейл был смущен, но брат, смягчая, успокоил:

– Шучу!

– Поговорим о сиддхах, – Нейл, шагнувший ему навстречу, теперь обходил его кругом, словно не веря в реальность самого его присутствия. – О сиддхах и «о невмешательстве»!

– Что еще осталось за полем твоего зрения?.. – сказал Тарис, наблюдая его маневры вокруг себя, и ответил: – Сиддхи не участвуют ни в какой «иерархии сверхъестественных сил»... По крайней мере, не в том смысле, в котором это понимают временные миры. И следовательно, не участвуют ни в каких баталиях иллюзорных миров! Освобожденные как можно меньше вмешиваются в них и избегают их влияния. Пропускают через себя только то, что находят для себя приемлемым. Хотя... Знаю, что ты готов возразить и опять вернуться к той старой истории про «искру высших сфер», врученную по ошибке недостойным. И ты будешь прав!.. Ты же понимаешь, эта искра – не то, что принадлежит нам лично. По законам Единого, она действительно полагается лишь тому, кто искренне тяготеет к высшей гармонии. (Сказал и уточнил, усмехаясь случайной причудливой игре слов: «Заметь! Искр-енне...»)

– Рука помощи готовому принять эту помощь?..

– Именно так, – тот хмыкнул, всё еще оглядываясь на обходящего его кругами Нейла. А вечерняя дымка в пробившихся сквозь ветви косых лучах солнца медленно-медленно плыла вокруг них и вокруг застывших теней трех женщин. – Вот, если хочешь, могу показать тебе еще кое-что. Может быть, участие в этом представлении тебя немного развлечет!

И не ожидая его согласия, сделал ему какой-то знак, а Нейл вдруг ощутил себя как бы... раздвоившимся! Он, «второй Нейл», стоял рядом с первым, взглянул на него: они оба обладали одним сознанием! Но потом, сразу же, один из них вырос в гиганта, казалось, за счет другого, превратившегося в точку далеко внизу. Тот крохотный Нейл вскинул голову, чтобы разглядеть гиганта, но не смог; да и гигант силился различить точку далеко внизу и не находил ее. Теперь сознание его было раздвоено как бы на две параллельные вселенные! Дизориентированный, Нейл хотел вернуться к «себе одному», а Тарис где-то усмехнулся:

– Давай, брат! Дерзай!

И – исчез. Нейл обернулся и увидел лестницу... Пустынная лестница поднималась перед ним ввысь, на гигантский холм, верха которого не было видно, и всё вокруг было подернуто ползущей дымкой.

Лестница оказалась крутой, почти вертикальной, а кроме того еще и разорванной... Чтобы продолжить подъем ему пришлось карабкаться без ступеней по склону, покрытому плотным дерном. И более того, восхождение сделалось вдруг необьяснимо трудным. Нейла как бы тянуло и засасывало назад, тело стало неподъемно тяжелым! Он оставлял за собой размытый след, как в том смазанном кадре, и «дробился на множество Нейлов», и уже не знал, каким по счету Нейлом он был!

Перевел дыхание по-человечески, на лбу выступила испарина, пар срывался с губ, однако он не собирался так просто сдаваться. Давая себе передышку, оглянулся назад. Последние ступени предыдущего марша, оставшиеся позади него, несмотря на их очевидную близость, казались теперь невероятно далекими. И помимо того, как бы обрывались над бездной в клубящемся тумане, уходя в пустоту, за край странно искривившегося холма.

Кажется, Нейл снова вел себя, как земной человек, Нейл-аватар! А на деле всё, что ему требовалось, – никаких титанических усилий, никаких восхождений на высóты, – всего лишь протянуть руки и соединить то, что было им же самим разорвано (может быть, в момент его спуска в мир временной материи)!

В ответ что-то вспыхнуло: искра... Она пульсировала в его ладони, огненная связь, без которой лестница была лишь разорванной тенью. Непреодолимая, несмотря на иллюзорную близость двух составляющих ее частей, разделенная лимбом, в котором мириады энергетических сгустков роились, уплотняя доверенное им разреженное пространство... Нейл широко раскинул руки, его начало кружить вокруг его собственной оси... Он пропускал через себя искру. Всё вокруг него вращалось: холм, лестница, окутанные туманом... Нечто несоединимое: две тени, плотная и призрачная, пройдя через него, соединялись вместе.

Нейл-гигант, опустился на колено и наконец нашел Нейла-точку, наблюдая сверху действия маленькой фигурки, далеко внизу карабкавшейся по несоразмерно гигантскому склону... Там, внизу, Нейл-человек, запрокидывая голову и выдыхая пар, измерял взглядом расстояния и, может быть, принимал гиганта, скрытого ползущей дымкой, за огромную темную скалу. А третий Нейл, обладатель той самой искры, протягивал ее земному Нейлу, но что-то их разделяло!

Нейл-человек не мог легко приблизиться, пальцы его напрягались и дрожали в безуспешной попытке дотянуться. Потом рука все-таки соприкоснулась «с собственной рукой», но лишь кончиками пальцев, и искра, подобие легкого электрического разряда, прошла по руке от предплечья до плеча. Так он это воспринял! Искра, как огненный мостик над пропастью, помогала шестому энергетическому земному слою (и седьмому, еще более тонкому, разреженному) преодолеть образовавшийся разрыв между временным иллюзорным и Единым Вечным!

... Нейл в сильно замедлившемся, вязком времени вспоминал что-то... Хаос погружавшихся в Вечное Ничто всё более тяжелых миров, в которых он, Нейл, был лишь мимоходом, из которых бежал. И всё же они успевали выкачать из него немало энергии. Усталость накапливалась... Он видел самого себя в какой-то темной хламиде, с капюшоном, низко опущен-

ным на лицо. Скрывавшийся за внешней набожностью, которую люди гораздо реже осмеливались потревожить (хотя, и это не было гарантировано!). Готовый, однако, в любой момент дать отпор, если возникнет на пути кто-то, кому «ничто не свято», кто способен поднять руку и на «молящегося»! Могли ли его укрыть от того мира какие-то пустынные, сумрачные кельи? Или, наоборот, сама же келья высасывала из него остатки и без того истощенной энергии! Иногда легче было навесить на себя колокольчик прокаженного, от которого люди без сомнения шарахались. А в другом мире приходилось ограничиваться простым флисовым худи с капюшоном и карманом-кенгуру! Хотя, какое-то время в некоторых заведениях даже вывешивались таблички: «Капюшон запрещен». Потому что тебя автоматически принимали за грабителя! Нейл ухмыльнулся. Теперь он вспомнил, как Мети однажды сказала ему:

– Нейл, они ищут нас, ищут ключ! Их больше не интересуют никакие инъекции углекислого газа, криоконсервация, трансдукция генетической информации или перенос энергии, и всё такое прочее... Для них это давно пройденный этап. Вселенная не вечна, и они это прекрасно понимают: рано или поздно фабрика по переработке отходов уходящих миров поглотит всё, и их души тоже. Я думаю, что они ищут выход за пределы этой Вселенной. А мы для них – «ключ», понимаешь?!.. И пока мы здесь, они не оставят нас в покое!

Или это говорил ей он?.. Мети утверждала, что всего лишь пересказывала сказанное им же самим в их прошлую встречу! Но он не помнил, так как был поражен частичной амнезией; по-видимому, она помнила больше него.

Интересно, как же они собирались «извлекать из него этот ключ»!?! Или ждали, что он сам им покажет, как всё это действует?! Однако он и сам ничего не знал. Действительно не знал?.. Так или иначе, Нейл установил внутри себя некий «заслон», что-то вроде того!

Мети... В каком-то другом мире, на маленьком экранчике у него в руке пела девушка... А у него было странное ощущение, будто она пела лишь для него одного и не для кого больше. Это было невозможно, так как он даже не знал, кто она! Он просто включил экран, а она там, где-то, пела... И тем не менее Нейл почему-то почти не сомневался, что песня была обращена именно к нему! Дизориентированный, очарованный, видел что-то, что кроме него не должен был видеть никто.

Тени скользили по ее лицу. В ней было что-то такое... Какое-то необъяснимое очарование простоты, какая-то особенная гармония. Нейл не мог оторвать глаз, как завороженный, но в глубине себя уже знал, что сейчас произойдет, и тягостное чувство примешивалось к очарованию мгновения.

Слова ее песни были почти банальными: про встречи и расставания через времена. Они снова потеряли друг друга, а она помнила его объятие и ждала встречу в каком-то времени, каком-то мире... Ждала от него вести.

Нейл боялся, что сейчас она исчезнет, а он даже не будет знать, где ее искать! Поэтому вглядывался напряженно во все окружающие ее детали, чтобы запомнить хоть что-то. За ее спиной был лес, темный, ночной, – спутанные в хаосе ветви... Но всё менялось, и она оказывалась вдруг в комнате, залитой голубоватым светом; в белом, фосфоресцирующем платье танцевала странный танец... «Комната памяти...» – промелькнула странная мысль. И снова картина менялась: бетонный ангар, подземные помещения, туннели, залы и лестницы... Она, одна, искала что-то, искала какой-то выход и, кажется, заблудилась! Потом был дворец... «Тот мертвый дворец!» – подумал он, сам пока не зная о чем думает. Широкая, пустынная лестница, украшенная скульптурами балюстрада и высокие окна... А она, всё так же одна, бежала по лестнице вниз и – никого вокруг. И снова танцевала... В этот момент одно неловкое движение Нейла погасило экранчик! А он снова включил его, стал искать торопливо, лихорадочно... Но девушка затерялась где-то в лабиринте, в хаосе чужого смеха, чужих песен, чужих шуток, раздражающих назойливой ненужностью!

Ну да, конечно, он позорно («для бога»!) бежал от всего чужого. Но были еще и другие люди, которые как бы догадывались интуитивно о его истинной сущности. Они, даже если не понимали его до конца, давали ему иногда приют – как бы из жалости! И чувствовали, что он нуждается в одном лишь молчании, и оставляли его в покое. Редкие, редчайшие, люди, они сами чем-то отличались... Бледная искра тлела в них. По сути, это они нуждались в его помощи, а не он! Но он ничем им не мог помочь. «Хорош бог!»

... Или он опять всего лишь придумывал?! И еще раз его бесконечные сны, бесконечная фантазия завели его слишком далеко! А Тарис, возникая как из неоткуда, проходя мимо, лишь вскользь по-земному тронул его за плечо:

– Завтра утром заходи ко мне, брат, буду ждать тебя!

И как всегда не обьяснил ничего, не обьяснил даже, где его найти в этом бесконечном Саду! Брат был в своем репертуаре. Потом он шагнул в золотистую вечернюю дымку и рассыпался блистающими искорками! А время тронулось, как стоявший у платформы поезд.

Малива обратилась к Геммее, голос ее был мягко шелестящим и мелодичным:

– Я привела его к вам, чтоб вы рассказали ему немного о нашем земном аватаре.

Два прекрасных оракула с магическими иссиня-зелеными глазами только улыбнулись в ответ. Вечерний свет вспыхивал искорками там, здесь, повсюду под зеленым лиственным пологом зала-рощи со стволами-колоннами; местами пронзал сплетенные ветви косыми лучами, наполняя мягким сиянием листья. Всё было погружено в зеленоватый свет. Нейл всего на мгновение отвел взгляд и – не нашел Маливы рядом! Но, кажется, он уже начинал привыкать к их неожиданным, без прощания, исчезновениям и появлениям без приветствий.

Он взглянул с улыбкой на Геммею и видел внутренним зрением перед собой ту прежнюю девушку, которую когда-то знал: грациозная, с мягко заплетенными рыжими косами, обвивающими голову и выбившейся из плетения легкой волной волос, спадающей на шею и на плечи. Он помнил, как она, спокойная и серьезная, очаровывала его, мальчишку. Но похоже, его очаровывали все женщины Сада, вечно прекрасные, вечно молодые!

Садовая лаборатория?.. Только теперь Нейл заметил, что на столике перед ними выстроился ряд вазочек, чашечек и бутылочек из камня и какой-то стеклистой массы. Он взял одну в руки, наблюдая удивительные радужные переливы. Подобно кристаллам в поляризованном свете, создаваемом с помощью фильтров из турмалина. Был ли он когда-то еще и геммологом, изучавшим драгоценные камни? Геммологом, которому не требовались никакие фильтры и никакое специальное оборудование, лишь его глаза и знания. Нейл не задавал вопросы, но Геммея сама сказала:

– Редкие вещицы со склада Безвременья! Ты что-нибудь знаешь о вселенных снов?.. Время там не движется, оно только тает очень медленно. До тех пор, пока не уснуло само Мироздание, сонные миры продолжают еще как бы тлеть, не угасая совсем. Но это не то же, что временные миры-лаборатории, их породившие. Эти миры неживые и предметы в них неживые, и их лучше не трогать, и не брать!

– Да, но иногда, – заметила Хлоэлла, – мы находим те самые редкие, редчайшие, вещицы, которые еще не совсем кончили жить. Их энергия позволяет вернуть им ткань временной реальности. Хотя это не простое возвращение, возможно, они становятся чуть-чуть более совершенными!

Очередные сказки?.. Сколько их он уже услышал за эти два долгих дня. Нет, он верил! В прошлом он сам попадал в те сонные миры! Не всегда по собственной воле (он никогда не умел вполне всем этим управлять). «Путешественник – это другая игра»! На мгновение Нейл опять отвлекся. Всего одно мгновение.

10. Другая игра. Хаос

... Мальчишка Нейл идет, рассуждая сам с собой «о разных хобби». К примеру, есть ребята, любящие покопаться в земле, разрывающие старые могилы и прочее... А такие, как он, путешественники попадают в разные странные места! Рассуждает сам с собой или кому-то всё это рассказывает? В пещере колеблются отсеты света-не света, огня-не огня. Мети рядом с ним: вечная девочка, вечная девушка, вечно молодая! Станет ли она, когда-нибудь «молодой старой женщиной»? Нейл улыбается: если и станет, то только здесь, на Земле.

Она слушает то, что он ей говорит:

– Мы – те, кто ищет и умеет открывать ходы! Они находятся повсюду: в квартирах, в которых никто больше не живет, в заброшенных подвалах. Что-то в этом роде. Дело довольно рискованное: за нами идут! Некие организаторы игры. Но, кажется, до сих пор им не удавалось взять никого из наших?..

Его вопрос риторический.

– Они ищут ключ, – комментирует Мети . – А ключ – это мы!

«Про ключ» Нейл уже знает, а она уже знает «про ходы».

Нет, на самом деле он не знал ничего толком. И если действительно существовал этот ключ... в нем, в ней... то как те, кто шел по их следам, собирались его извлечь из них? Они!

Иногда мальчишка упрекал себя: «Еще немного, и тебе начнут чудиться голоса из космоса... Оторванный!» Но кажется, он уже и так их слышал!

В данный момент он брел вдоль берега, вглядываясь в серые волны. Отталкивающая серая ширь воды до горизонта была связана для него с чем-то очень далеким, забытым, неприятным... Что-то странное, совершенно невозможное, невероятное: он – астронавт, прибывший на Землю сотни миллионов лет назад! Странные мысли и виде́ния возникали у него в голове: высадка на Сатурн, на одну из лун Сатурна... Или это был Марс?..

Девушка в легком белом платье бродила на дне огромного кратера, по марсианскому леднику. Какой-то абсурд! На Нейле был скафандр, пусть даже облегченного, прогулочного типа, а она, одетая в легкое, как вуаль, платьице бродила среди торосов пустынной планеты! Он смотрел на нее через щиток гермошлема, с верха гигантского склона и видел ее хорошо. Она была там, далеко внизу, на белом ледяном поле.

Что всё это значило!?!

... Солнечная система была освоена и даже отчасти усовершенствована. Давно, кем-то... И вот, одна из ее планет, заброшенная в безумно-дремучей дали... Земля!?!

Наступал холод. Но нет, не простой арктический холодок, запредельный! Оледеневала вся планета! «Странно быстро... – думал Нейл. – Ускореная сьемка с меньшей частотой кадров... Почти «гиперлапс»!»

Тем временем Нейл-мальчишка был один со своими вопросами без ответов и на душе у него была тоска. Чем он занимался? Участвовал в какой-то не выбранной им игре! Или, может быть, в результате хронической усталости рухнул и теперь спал, и видел сон? Странные сны, осознанные, управляемые им... Или не им, а кем-то. «Тогда, приятель, тебе следует срочно проснуться и постараться больше не засыпать! Они же пытаются взять тебя на испуг. Стоит поддаться этому и – конец!» И в самом деле, у него было желание проснуться и обнаружить, что всё происходившее нереально и нет ничего.

– Это то, что называется дереализацией... – сказал Нейл, глядя сквозь ресницы на «огонь», не огонь, колебавшийся на каменных стенах. – Когда невозможно понять, реален этот мир или всё бред и сон!.. И «солипсизм» здесь не при чем, я не был зациклен на разговорах с самим собой! И еще, там каждый из нас был как бы сам за себя.

Именно так: всё чаще случалось, что их группа почему-то распадалась. И все куда-то исчезали! Нейл замолчал, чувствуя себя виноватым перед Мети: возможно, и ему случалось исчезать без следа, и не раз. Потом закончил:

– Не знаю даже, что потом нам позволяло снова найти друг друга!

Но она не упрекала, только заметила:

– Нейл, в тяжелых мирах не может быть иначе.

– Иногда, – рассказывал он, – мы имели в распоряжении действительно считанные минуты, чтоб успеть открыть ход и войти. Остановить время было практически невозможно. Случалось с тобой такое? Идешь последним и то ли в спешке не туда свернул – не туда, куда свернули все... Или ход завалило каким-то хламом, именно в тот момент, когда был твой черед лезть в него. И как всегда, разумеется, ты был последним! Ну конечно, кому, как не тебе, поручено замыкать цепочку!..

А Мети медленно кивнула, потому что она знала всё и могла даже дополнить какими-то деталями.

– Вот, одна такая глючная ночь... «для типичных глюколовов»! – иронизировал Нейл. – Лестница обвалилась, а мы лезли на верхний этаж по каким-то стропилам. Там были доски, перекинутые над лестничным провалом, пылища и щебень вокруг. И виной всему был хаос, это он производил разруху... Мир словно крошился! Конечно, можно было бы элементарно взлететь. Но мы никогда не пользовались нашими способностями просто так, без особой необходимости, а в тех мирах силы всегда следовало беречь.

И таким образом они просто перелетали прыжками. Полуперелеты, как акробатические трюки бегунов, раннеров... В подобных местах, если плохо рассчитал свои силы, можно запросто сломать себе шею! Но, похоже, им это не грозило.

Тем не менее сохранялись еще и нормальные лестницы, которые вели к самым обычным квартирам. Квартиры в полной сохранности, и вещи в них были все на месте, а людей не было! И еще другие лестницы, они вели в разные странные места или просто в никуда.

На этот раз им следовало добраться до двери квартиры на самом верху провалившегося лестничного марша. Возвращение тем же путем не предвиделось: там, на верхнем этаже, должен был быть тот самый особый ход, «сингулярная дверь межмирья». Но откуда они об этом знали?..! Откуда-то знали всегда.

– Я почти всегда угадываю, куда мне нужно ехать! – проговорила Мети задумчиво. – Даже если иногда теряю ориентир. И тогда, е́ду, е́ду... и уезжаю всё дальше. Это может быть автобус или поезд. А вокруг меня много людей... Но всё мне чужое, и я начинаю понимать, что что-то в этом не так!

И продолжала говорить как бы сама с собой:

– И конца и края нет, я заблудилась! Хаос царит повсюду. Не знаю, когда это началось. Всё уже не раз менялось, и я сама в чем-то меняюсь. Я путешествую! Одна. Еду в автобусе... почему-то не могу просто полететь над городом! Что происходит?.. Это какая-то «игра», только я не знаю, кем установлены ее правила. Знаю, что нужно остановиться и выйти из круга! Но кто-то идет за мной, кому-то что-то от меня нужно, а я лишь убегаю, не оглядываясь назад! Нет времени на размышления. Нет времени на «управление временем». Ищу таких как я... ищу тебя, почти ничего о тебе не зная. Но есть еще что-то...

Она сказала: «Какие-то сущности преследуют меня, Нейл!» Ну да, он помнил ее «сон». Мети, во время одной своей странной метаморфозы ставшая лесным духом, случайно вошла в контакт с некоторыми сущностями. И как будто разбудила некую королеву эльфов, очень властную фэри, приказ которой нарушила! Но он усомнился, что всё могло быть так просто: была ли та действительно лишь лесной владычицей? Или, возможно, перед Мети предстал сам творец в его женском обличии? Могущественный Демиург, скрытый за обманчивой внешностью! А память вернула Нейлу еще одно воспоминание...

11. Блуждающий в прошлом

... Наконец-то кончился сезон муссонных дождей. День в священном городе Удджайн был жарковатым для октября, и влага испарений принесла бы духоту, если б не легкий ветерок с реки Шипра, который приятно охлаждал воздух. На площади перед храмовым комплексом была в полном разгаре многоцветная праздничная ярмарка. Яркие ткани свисали повсюду и джутовые мешки были полны доверху товаром: орехи, специи... Мухи летали над горами сухих фиников и инжира... Шум голосов, смех, крики торговцев – повсюду... И то и дело возникали спонтанные танцы, сопровождаемые ритмичными звуками барабанов. Но тонкие длинные трубы шахнай своим гнусавым пением уже звали верующих присоединиться к процессии.

Был праздник Наваратри – девять дней и ночей, девять явлений великой, непостижимой богини-воительницы Дурги, управляющей этим временным, иллюзорным миром. Множество людей с цветами и фруктами в руках уже направлялись, танцуя на ходу, к храму с красными башнями и одной золотой башенкой наверху, для пуджа, ритуала поклонения. Их песнопения бхаджаны сливались со звоном колоколов. А Нал воображал, что в храме курился фимиам на кадильном жертвеннике, и горели многочисленные дипа, масляные лампады. Наверное, это выглядело впечатляюще красиво. Но он почему-то замедлял шаг и не присоединялся к идущим вперед, лишь невольно прислушивался: некоторые из проходивших мимо него начитывали или пели мантру. Это звучало странно, казалось он не вполне понимал слова, по крайней мере их смысл не сразу до него доходил, и ему нужно было прежде вслушаться, как бы захотеть понять.

Это означало, что он не был местным... Несомненно, не был, и на руке у него был серебряный браслет с какой-то мантрой – незнакомые здесь письмена. Он был путешественник, вечный странник. Ари – «принятый чужой». Его имя, Нал, было символом мудрости и духовной силы. Но это было всё, что он знал о себе и ничего больше: ни откуда он пришел, ни куда шел. А город в эти праздничные дни был полон подобных ему «скитальцев» разного типа, в основном религиозных пилигримов, монахов, и нищих, просящих подаяние.

Нет, для странствующего монаха санньяси Нал был одет, пожалуй, слишком хорошо: на нем была тонкая белая с золотистой каймой одежда бхусура, «бога на Земле» (что звучало довольно странно!). Грудь его перехлестывал тонкий священный шнур брахмана. Всего один, не два, не три или четыре... ему было достаточно: один означал лишь единение через его индивидуальную вечную, неизменную духовную сущность с Вечным Единым. Но проходил ли он инициацию или сам себя украсил сакральным шнуром? Бывало и такое!

Бхусур или двиджа, дважды рожденный, – слова, которыми именуется брахман! «Смертельный грех, если кто-то тронет брахмана!» Он удивился тому, что пришло ему в голову: он когда-нибудь подвергался опасности?.. Может быть, когда-то где-то ему случилось стать воинствующим монахом? Разве что поневоле! Но сейчас никто его не трогал, люди проходили мимо Нала и даже как будто не замечали его.

Несмотря на то, что его наряд отличался от одежды простого бедного человека, он почему-то был убежден, что никогда не был брахманом... даже обнищавшим. Всё его одеяние составляли лишь антария, обернутая вокруг бедер и ног, и простой пояс кайабандхи. В остальном – по пояс голый, однако одежда его была чиста, как у соблюдающего очищающие ритуалы брахмана. И если он был странствующим монахом, то было непонятно, как простому санньяси удавалось поддерживать подобную чистоту одежды и тела, при аскетическом образе жизни в какой-нибудь асрама, обители отшельника! И свои длинные волосы он содержал в чистоте. Они спадали ему на спину, а часть их была собрана в узел чуть выше затылка.

Кроме того он был уверен, что никогда не был ни у кого на службе. И тем не менее Нал обладал полными знаниями избранного. Знал как божественное письмо брахми, так и древний

ведийский девабхаша, «язык богов», и амритабхаша, «язык бессмертия», и, видимо, читал когда-то трактаты Веданги и астрологический Джйотиш.

Тем временем масса людей, монотонно танцующих и молящихся с песнопением, постепенно продвигалась к красному храму... И временами в воздух летели облака желтого порошка из сухих лечебных трав и специй, смешивавшихся с пылью поднимаемой ногами... Чтобы потом «в доме богини», в молитвенном зале перед восьмирукой статуей из красного мрамора, умытой молоком и украшенной венками, возложить на алтарь желтые манго и ананасы. И еще другие гирлянды из желтых ромашек и календулы. Желтый был цветом четвертого дня празднований Навратри. И на многих женщинах были сари этого любимого богиней Кушмандой цвета!

Да, у великой Дурги были разные ипостаси... На четвертую ночь она являлась в ипостаси Деви Кушманда. Ма Кушманда – та, что создала яйцо этой Вселенной. После чего одарила мир своей улыбкой и сотворила трех женщин: две ужасные, свирепые и еще одна нежная, прекрасная, умиротворяющая. Это были три Махашакти. А уж от них и появились Шива, Вишну и Брахма – известное триада, тримурти.

По правде говоря, насчет того, кто кого породил, и кто был важнее давно велись беспрерывные споры, и в результате возникла небольшая путаница. Но простые люди не обращали особого внимания на создавшуюся неразбериху. А память о прошлом уходит быстро. (И что-то во всем этом было уже знакомое Налу...)

Мать творения, Кушманду, первой осветившую своей улыбкой пустоту бездны, просили теперь лишь о самых простых вещах: облегчить страдания людей, задержать приход старости, дать здоровья и ясного ума. Теперь Брахма, по известной ему одному причине, стал управителем этой Вселенной! Может, просто потому что «править пристало больше мужчине».

Казалось, Нал уже рассуждал обо всем этом... где-то, когда-то: о короткой человеческой памяти и скоротечности всего. Воспоминание ускользало. А ему следовало бы вернуться к заброшенным занятиям медитацией! Священный шнур брахмана, перекинутый через грудь, как памятка, не позволял ему об этом забыть.

Впрочем, всё сразу встало бы на свои места, стоило лишь немного исправить произошедшую путаницу. У каждой вселенной есть свой маленький Брахма, занимающийся ее упорядочением и ординарным управлением! Кушманда же создала не просто множество подобных структур, а целую Мультивселенную, называемую теперь Брахмандой. Правда, кто-то спорил, что речь шла всего лишь о творении Солнечной системы... Будто Кушманда создала лишь Солнце и дала ему свою энергию... А в процессе творения она представала как буйная восьмирукая (десятирукая) Дурга-воительница.

В то время как в реальности Кушманда была олицетворением шакти: творящей энергией Океана Вечности... Творящая энергия Единого Вечного, которого люди, для простоты, назвали Великим Брахманом, то есть отцом их местечкового Брахмы.

А у него от всего этого голова шла кругом!

Имя Кушманды-Дурги толковалось, как «труднодостижимая», «неприступная крепость». И в этом была еще одна странность... А Нал вдруг вспомнил какое-то свое виде́ние. Та же самая ярмарка? И те же масса людей, язык которых он не вполне понимает. Толпы паломников, крепостные стены, зеленый луг. За лугом глухой черный замок. Толпа, едва миновав портал, задерживается у стены, останавливается, никто не идет дальше. А его какая-то невидимая сила тянет вперед... Он один делает шаг вперед... шаг за шагом, как будто вброд, борясь с бурным потоком, против собственной воли!

И вот Нал идет к «дому богини», храму, украшенному рельефами из красного песчаника. Люди остаются где-то позади, а он входит в храм. Отрешенный от всего, в состоянии некого забытья, в трансе, идет один через зал, где мерцают огни масляных лампад, горят и курятся

благовония. Он – и больше никого. А перед ним встает огненная фигура многорукой Деви, неприступная на фоне «черного замка»... темного провала-Портала... мрака Бездны!

– Помню, ты мне это рассказывал! – тихо воскликнула Мети. – Там, на ярмарке, в толпе была она, Диона! Она накинула тебе на шею свой шарф. Ты и она были единственными неспящими... Все остальные словно спали.

– Ну да, уттария... это древняя шаль... Но возможно, это были всего лишь созданные мной самим аллегории, – предположил он, смущенный (совсем не желая вызвать в ней обыкновенную земную ревность!), и добавил: – И может быть, всего лишь моя хроническая усталость.

Он взглянул на нее и задержал взгляд...

На ней была тончайшая фиолетовая сари; из-под шали выбивались волны волос цвета темной красноватой бронзы. Волосы ее были украшены тонкой серебряной цепочкой тика с подвеской, спускавшейся ей на лоб – причудливый резной медальон-оберег. И такими же изящными и резными, настоящее чудо ювелирного искусства, были ее серебряные браслеты, ожерелье хаара и витиеватые каффы, закрепленные на ушах.

– Я не стала бы прокалывать себе уши, ради каких-то серёг! – обьяснила она. – Но все эти украшения считались энергетическими... Даже если я не особо во всё это верила.

И добавила в ответ на его молчаливый вопрос:

– Я была девадаси... Куда по-твоему еще могли поместить «хрита», полную сироту! Там нас учили сакральному танцу и музыке, украшать цветами храм... Даже стихосложению... Мы были как бы «невестами божества»! Впрочем, поверь, я недолго там оставалась.

Она едва улыбнулась и приподняла в руке край фиолетовой вуали:

– Нравится?

– Необычно!.. Тебе идет, – признал он.

– Я не просто так выбрала этот цвет. Этот цвет... он как бы всё замедляет... Только демоны не имеют покоя! А я чувствовала усталость и нуждалась в медлительности. И еще его считали цветом неземной ностальгии, отрешения от всего мирского.

– Тебя там не обижали? – спросил он, поколебавшись.

– Нет, то, что ты думаешь, это всего лишь предрассудки! Конечно, бывает разное... Со мной ничего не случилось, но я всё равно хотела уйти оттуда куда-нибудь, далеко!

Нейл встряхнул головой. И странный облик Мети исчез, будто растаял, а она снова стала самой собой: не какой-то древней девадаси, храмовой тацовщицей, обычной Мети.

Иногда им обоим действительно требовалось какое-то сильное средство от хронической усталости. Например, метаморфоза! Нет, речь не шла о новом облике, приобретенном перед зеркалом общественного туалета в автогрилле, это было бы смешно! Но, к примеру, превратиться в духа чужого сада, заменив на время настоящего элементала. «Дух зелени», никем не видимый, не замечаемый – вот странный опыт! Или вот еще, можно стать совсем крохотным существом и уйти в уютную пещерку, глубоко под корнями старого дуба, чтоб отоспаться там под шум ночной грозы. А Мети, преображенная в ее собственном рассказе в лесное создание (прекрасная в его виде́нии!), бежала по осеннему лесу... Бегущая от людей и восставшая против Иерархии духов... Непослушная управляющей ими «королеве»? Или самой Дурге, властной создательнице?

Нейл хотел задать ей вопрос: после того, как она сбежала из храма, она попала к тем людям, содержавшим цирк и попытавшимся использовать ее особые способности? Или всё это случилось раньше? Но предпочел сменить тему и вернулся к началу их разговора. А они говорили о той воде, что вызывала в них чувство отвращения...

И у Мети с водой были связаны какие-то не слишком приятные воспоминания: серая бескрайняя водная пустошь, в которой не захочется беззаботно плескаться! В то время как она обожала родники, ручьи, мелководья и заводи... Но любила и силу земного океанского прибоя.

Нейл помнил ее на берегу, в опасной близости к бушующим волнам, очарованную штормящим морем! Оно было и серое, и сизое, зеленое, кипящее! Нет, их обоих отвращало что-то другое...

Она сказала:

– Знаешь... однажды я в шторм пересекла целую бухту, над волнами, и ни разу не коснулась их ногами. Это не страх воды, Нейл! Можешь смеяться сколько хочешь и можешь не верить мне, но одно время я занималась экстремальным серфингом. Возможно, это было желание испытать себя и понять, что не так в моем отношении к воде. Вода – это космос! Космос – космические во́ды. А океан... Он живой!

Нейл знал, конечно.

Ну конечно, он знал, но всё равно ухмыльнулся насчет «серфингистки». Представил ее на доске, оседлавшую чудовищную волну высотой в 20 метров! Экстремальный тау-серфинг! А она, изучающая направление и скорость волны, на особой доске глиссирующая под надзором команды катера-буксировщика... Или, может быть, в одиночном контакте с волной, смертельно-опасной для обычного человека.

– Ну, не преувеличивай! – сказала она, хмыкнув, но так и не уточнила, было ли такое на самом деле. Зато она рассказала ему, что иногда попадала в совершенно фантастические места. Пустынные побережья, где не было никого. Время там было неизменно. Хотя, ей ни разу не удалось проверить, так ли это на самом деле. Она попадала туда одна и, как правило, никогда больше не возвращалась. Каждое из этих мест терялось затем, как в бездне. Одни вызывали в ней содрогание. Там нельзя было задерживаться! Другие казались идиллическими. Побережья, полузатопленные дворцы, глубокие бассейны...

– Из необработанного камня, – уточнила она, как почему-то важную деталь, – со сложными каскадами и подводными залами. Сквозь глубокую воду в них проникали тусклые лучи. Это было очень красиво... И от всего веяло безмерной древностью!

Но потом она невольно вспомнила что-то другое.

– Храм биокоррекции... – пробормотала Мети. – Внутри него находился мощный кристаллический энергокорректор. А в полуподземной части здания – облицованный плиткой «радоновый бассейн»» накапливал энергию, высвобождаемую в процессе регенерации. Он был ярко-голубой, странно фосфоресцирующий. Жутковатый! Содержавший лечебные дозы яда? Принцип гормезиса, оправдывающего лечение через «малое зло». Малое?..

«Радиактивный бассейн» располагался в цоколе белой башни. Она поднималась ввысь, глухая, без окон, громада. Там, внутри, был огромный зал, облицованный темными каменными плитами, и медленно двигалась процессия... Фигуры, восходящие по рампе в зал, были закутаны в подобие мантий, ритуальных или защитных, с капюшонами, лиц не было видно. На изолирующем возвышении находились два массивных резонансных стола-постамента, на них лежали два неподвижных тела. Всё это она видела своими глазами и поначалу не понимала, что это значило. Ей было жутко. А потом, каким-то необъяснимым образом, правда открылась ей сама собой: один был «донор», энергия, отобранная у его здоровых тканей, переносилась к энергетически больным тканям реципиента.

(«Объект научного исследования в лаборатории, где работал Нэлл!» – воскликнул внутри себя Нейл.)

И еще была спиральная рампа, обвивавшая против часовой стрелки башню снаружи. Мети, находилась там, на большой высоте, ничем не защищенная, и кто-то протягивал ей руку, чтобы помочь ей взбираться.

– Это был ты, Нейл! – воскликнула она удивленно. Они поднимались вместе, высоко, безумно высоко. И когда подниматься было уже почти некуда, взявшись за руки, прыгнули в бездну, окутанную голубоватой дымкой.

А башня... Она превратилась в обыкновенную белую морскую раковину, «татчерия мирабилис», зависшую во мраке... После чего Нейл как будто смял эту картинку в кулаке и отбросил, бумажный комок покатился прочь...

– Нейл!.. – крикнула Мети где-то, и голос ее разнесся эхом. – Здесь темно! Я не могу найти выход!..

Темно, подземелье... Что за место? «Лабиринт Ариадны»... Мети в плену у жителей холмов! Кто она, та «королева эльфов», на самом деле – какая-то простая аллегория? Тот, кто считает себя какого-то типа «богом», не может этого не знать! Мысль его блуждала словно в потемках, и бессвязно приходило в голову то одно, то другое. Брат Тарис, лимб, который они вместе посетили... Потом другое: горная нимфа, хранительница подземного озера... Звучало эхо ее голоса: «Я знаю, знаю, знаю..!» И звонко разносилось по подземелью, затихая в его глубинах... в бездне.

– Всё меняется, и я меняюсь, – сказала Мети где-то, и голос ее прозвучал спокойно, почти отрешенно...

12. Эльфы, божественная амрита и прочее

... Две легкие тени, тонкие фигурки, устремились к ним из глубины зеленого полусумрака, исполосованного золотистыми тенями: гармонично сложенные подростки, девочка и мальчик.

– Нейл!..

Они его знали, и он как будто тоже, хотя никогда не встречал их прежде, ведь они родились уже после его ухода из Сада. Его знание относилось к какой-то другой реальности. А их «энергетические имена» должны были что-то означать, помимо их земного звучания: Гайо и Арника. Арника, Арнеке, Арнелла... – сила, бесстрашие, целеустремленность, решительность, уверенность в правоте, золото солнца. Гайо – бойкий, находчивый ум.

Подростки передали ему гамму чувств, и Нейл был готов войти с ними в синтонию на равных. В конце концов, у них за спиной была вечность. Потом улыбнулся другой своей мысли. С давних времен те, для кого их собственная молодость начиналась и кончалась слишком быстро, рассказывали о встреченных в лесу прекрасных девушках и юношах, возникавших будто из неоткуда... Их называли по-разному: «сияющими» или «альбами», «эльфами». Лишь по той причине, что их лица сохраняли ясную светимость? Нежность детства, которую земное существо теряет почти сразу, потому что ему требуется физическая защита от внешнего мира. И еще, по словам очевидцев, лесные существа не отличались особо взрослой серьезностью и постоянством характера: могли как благоволить людям, так и озорничать, и вредничать. Совсем как дети! А может быть, они и были детьми неких “волшебных существ»?..

Оба подростка были одеты в светлую одежду, в покрое которой была явно выражена их собственная фантазия. У обоих были высоко подобраны волосы (того переходного оттенка, что отличал у сиддхов детский возраст от взрослого), и некоторые прядки спадали до плеч в живописном беспорядке. Скрытая рыжинка окрашивала легкие и хаотичные волны волос девочки. У нее были медового цвета золотистые брови, нос чуть вздернут деликатно, и в целом гармоничные черты лица. А у мальчика брови были темнее и нос прямой, и пряди его волос имели более решительный контраст: от пепельно-русого до светло-каштанового. И тем не менее что-то делало их двоих неуловимо похожими, как если бы они были братом и сестрой. Может быть, их светло-серые, с темным обсидианом в глубине, глаза и безупречная светлость кожи или просто сама их юность. И еще та самая неуловимая гармония, которую Нейл уже не раз отмечал.

Но какими удивительно знакомыми и родными показались ему лица этих впервые увиденных ребят! А они почти сходу заговорили ему про праздник цветущих водорослей, о котором Нейл уже что-то знал. Хлоэлле пришлось слегка осадить их энтузиазм:

– Дайте же ему время!

А Геммея спокойно добавила:

– Принесите-ка нам лучше немного амриты!

Возможно, насчет магической «амриты», делающей бессмертными, она лишь шутила, но они, по-видимому, поняли ее, потому что сразу охотно отправились исполнять поручение. Нейлу было любопытно, чем же окажется на самом деле еще один необычный напиток. Какой-то земной заменитель божественной амриты? Сома... хаома... Эфедровая вытяжка или настойка черной белены?

И пока женщины освобождали садовые тумбы от разложенных на них сухих трав и цветов, он подобрал пучок злаков и в рассеянности вдыхал их расслабляющий горьковатый аромат. Землистый, дымный запах исходил от сухих корней. Ну да, это же был шаманский ветивер! Магические корни которого используются для приготовление бальзамов и ароматных масел, ботаник это знал... Ведь он, кажется, был ботаником? Едва ли они собирали и сушили травы

лишь ради утехи, для красивых букетов: до этого он видел, как бережно собирала ягоды, плоды, цветы и травы Малива. И верно, он заметил, что на женщинах были изящные сандалии, сплетенные из той самой травы-ветивера.

Тем временем подростки вернулись, и принесенные ими чашечки не могли не удивить Нейла: размером всего с наперсток, резные, на тонких ножках, с тонкими ложечками, воткнутыми в одну каплю густого... Меда? Мед из перечной мяты. Мята, растущая в весенний паводок в затопленных поймах водоемов, в сырых низинах и на тенистых полянах (определил тот же самый ботаник!). В пробившемся сквозь ветви последнем луче вечернего солнца мятный мед зажегся зелено-золотой каплей.

– Нектар, «медвяная роса», – уточнила Хлоэлла то, что он не произнес вслух. – С ментолом, с экстрактом водоросли и пряностями. И улыбнулась загадочно: – Успокаивает нервную систему, способствует крепкому сну.

– Но это о людях! – воскликнул мальчик Гайо, протестуя.

Нейл и это знал: медвяная роса, сок, выступающий на листьях и хвое при резкой смене температуры. А люди когда-то верили, что это роса, падающая со звезд!

Он встретился с иссиня-зелеными глазами девушки и на растянувшийся миг не мог отвести от них завороженный взгляд, словно погружаясь вглубь ее глаз, как в прекрасную зеленую заводь: глаза нимфы лимнады! И вспомнился далекий летний день. Густая зелень расступилась, и взору его открылся сияющий зеленый водоем, наполняемый с беспрерывным шумом небольшим каскадом...

– Да, сегодня ночью в Саду праздник цветущих водорослей, – проговорила девушка. – Если ты придешь, попробуешь другие рецепты нектаров.

– Обязательно приходи, Нейл! – повторила, кивая, светловолосая, рыжеволосая девочка. Гайо поторопил нетерпеливо:

– А пока попробуй это!

Нейл зачерпнул густую каплю тончайшей ложечкой. Острый, чуть обжигающий вкус, всего одна капля как будто зажгла его внутри! «Синергетический», совокупный, эффект составляющих нектара был подобен огню, разлившемуся по всему его телу. Дети же смотрели, явно развлеченные, и словно ожидали его оценки.

– Ну да, амрита!.. – пробормотал он, шутя и кивая.

Известная земная легенда рассказывала о войне богов и демонов за амриту, добытую из Океана. Речь шла о тончайшей энергии первичных вод Вселенной? А может, о чем-то более банальном, земном... К примеру, о многомолекулярном комплексе, так называемом «первичном бульоне», из которого, по некоторым предположениям, возникла жизнь на Земле. И был ли настоящий «аромат амриты» зловонием гниющей жижи водорослей, покрывавшей огромные пространства Земли? Нейл ухмыльнулся про себя. Носов, способных почувствовать это, тогда еще не существовало!

– Верно, люди много выдумывают, – заметила Геммея серьезно. Услышала его мысли?..

– Люди придумали еще и неких обитателей холмов! – добавил он, улыбнувшись. – Сидов или, может, сиддхов...

– Да, но то были феи Земли... разные «дивные народы»... В основном гномы подземелий! Может быть, какой-то человек заблудился в скалах Защитного Барьера Сада, – предположил мальчик, Гайо. – И вышел ни с чем, обманутый! Вот он и решил, что мы живем в скалах... И родилась легенда!

– Да нет же, – с упреком возразила ему Арника, расставлявшая на плетеной тумбе другие чашечки. – Речь совсем о другом! «Дивные народы» прежде населяли Землю, но ушли, освободив место людям. Или скрылись где-то... Их как будто еще видели! И в любом случае энергия Охранного Барьера слишком сильна для людей и могла бы причинить им вред. Никто из них даже не ступил на тропу, ведущую к Саду.

– К счастью для них! – воскликнул тот. – Человек, не остановившийся вовремя, оказался бы в серьезной опасности. Они не могут находиться даже вблизи нас, без вреда для себя! И чтобы не навредить им, мы вынуждены занижать нашу энергию.

– К тебе они могут свободно приблизиться! У детей энергия еще не настолько сильна! – иронизировала девочка, кинув на него взгляд. А Нейл смутился: еще совсем недавно сиддхи занижали свою энергию ради него!

Но они говорили уже о другом. А женщины продолжали убирать сухие букеты и необычного вида флаконы. Мальчик задал вопрос, как бы никому, сам себе:

– А зачем демоны боролись за энергетический напиток богов, слишком крепкий для них? Если они предпочитают питаться слабой энергией людей и животных...

Нейл не слышал, что ему ответили. Он думал: «Демоны?..» Проснувшийся человек открывает глаза, неспособный пошевелиться, и видит с ужасом приближающуюся к нему темную фигуру. Но нет никакой опасности – всего лишь нуждающийся в его энергии демон! И, как ни странно, значение сонного паралича всегда преуменьшалось земными «толкователями снов». Словно, это было абсолютно нормально – питать кого-то своей энергией! Кто-то боится спать в тягостном ожидании очередного визита «черного человека»; кто-то другой, очарованный мраком, пытается снова вызвать в себе это состояние... Потому что он добровольный донор! А умерший во сне, конечно, не расскажет, что его так смертельно напугало. Что-то, что забрало из него его последнюю жизненную энергию! Другой же вовремя успел проснулся от чьего-то крика... своего собственного!

Нейл встряхнул головой. Все болезни временного мира по сути энергетические. Какими энергетическими болезнями болеют на Земле «временные сиддхи»?..

– Ты должен учитывать, что спускаясь в нижний мир, мы вынуждены оставить на время часть нас за его пределами, – наконец вступила в разговор Геммея. Он кивнул, взглядывая ей в глаза, погружаясь в их пучину, цвета потревоженного, взбаламученного штормом зеленого моря. Ему сразу припомнилась другая легенда: о семи вратах и некой богине, спускавшейся в подземные миры Ада через эти врата и оставлявшей перед каждым из них что-то свое.

– Вот, выпей еще немного мятного чая, он укрепляет, – предложила Хлоэлла и протянула ему другую чашечку, украшенную внутри резьбой из тонких колец. Он отпил глоток, и на некоторое время они все замолчали. А Нейл рассматривал концентрический узор... который сворачивался, сворачивался и сворачивался... Беспрерывно, бесконечно...

И ему казалось, что атмосфера вечера была пронизана необычным покоем. Казалось, в нем самом что-то изменилось. Где-то там, в другой жизни, он бежал куда-то, но теперь ему не нужно было никуда торопиться: он как будто сидел в саду, в кресле-качалке и мерно покачивался, и туманец плыл вокруг него. Он вернулся домой, в круг родных и близких! Наверное, ему было что им рассказать, и те ребята смотрели на него, совсем как обычные подростки, ждущие каких-то рассказов.

Так в земном доме холодным вечером трепетал жарко огонь в печи, ветер свистел и выл, где-то за стенами хлестал дождь, а люди, собравшиеся у огня, желали послушать истории вернувшегося. В то время как тот вернувшийся человек стал совершенным незнакомцем для своих выросших детей и почти неузнаваемым чужим для всех, кто его знал когда-то.

Ему же казалось, что всё, что произошло, случилось не с ним, а с каким-то другим Нейлом, когда-то давно! Что он им расскажет?.. Нейл усмехнулся сам себе саркастически. Где он был столько времени?!

Тем временем Геммея отвлекла его от этих новых сомнений, как бы уводя в другую сторону, за собой:

– Ты ведь хотел поговорить про земной аватар? Давай поговорим о нем! Существуют тела иллюзорные и «реальные»... Ты знаешь! Иллюзорное – это что-то сотканное из света и как бы наделенное всевозможными «способностями». Разумеется, наш аватар вполне реален, однако

он совсем не то, что обычное земное тело. Он не создание местной природы, и мы полностью им управляем. Хотя он вполне реален и должен, в определенном смысле, следовать законам этого мира. Это неизбежно!

13. Его земной аватар

... Мысли Нейла отвлекались и блуждали, создавая картины.

Миллиарды лет назад еще слабое излучение Солнца позволило первым живым существам создать колониальный рай в естественной теплице, созданной самой планетой. И он остался бы таким навсегда, и не превратился бы во что-то ему не свойственное, если б не... Если б не появились Они! Пришедшие из далекого чужого мира. А затем еще и «оплошность богов»: оброненные кем-то искры Духа. Оплошность или настоящее преступление!

Огромное склизкое болото превращалось постепенно в райский сад отмелей, населенных удивительными формами жизни. Тем временем Оставшийся сотворил свой новый аватар после сотен миллионов лет странного сна, по земному исчислению. И снова погрузился в материальный мир, оставив за пределами планеты часть своей энергетической мощи. Как оставил и почти всю свою бесконечную память в неком космическом хранилище. Но откуда он это знал?.. Нейл слабо улыбнулся. Естественно, он знал, в конце концов всё это касалось его лично!

Перед его глазами – возможно, лишь в его воображении – земная саламандра отращивала себе лапку. Поступавший сигнал вызывал вместо рубцевания раны точное воспроизведение потерянной части тела. Бластема – новое образование неспециализированных тканей – позволяла исправить повреждение и иногда развивала новую особь: своего рода материальная вечность, которая противоречила законам временного мира. Но компромисс нашелся... Теперь Нейл думал о морской звезде: древнее земное существо, в котором еще сохранялись следы произошедших изменений. Самовоспроизводящаяся морская звезда создавала из кусочка своего тела новый организм. Но другая, имевшая половые железы на своих лучах, восстанавливала очень долго, даже целый год, всего один оторванный луч! И были еще «звезды-гермафродиты», оставшиеся как бы на полпути...

Как создавал свое новое тело Оставшийся? Сохраняло ли оно в себе след от прежнего, оставленного им мира? Так это действовало? Несомненно, он должен был учитывать изменившиеся условия.

А Нейл продолжал думать. Земные существа спонтанно регенерируют волосы, кожу, ногти, иногда даже зубы, как ламантины и акулы, но лишь в редчайших случаях целые органы. Тело Оставшегося не было иллюзорным, он, как саламандра, сам построил себя, только тело полностью подчинялось его воле! Он оживлял его химизмы и был его «единственным богом».

Оставшийся... теперь уже Проснувшийся, голый, в теле своего нового аватара, был охвачен дрожью и дизориентирован. Один на пустынной планете, так по крайней мере он думал поначалу! Шел дождь... Тяжелая материя придавила его к земле словно каменная плита. А он первый момент даже не смог вдохнуть полной грудью и подумал о какой-то произошедшей ошибке! Он что-то не учел и оказался не способен дышать в подобной атмосфере?! Ядовитые газы!?!.. Однако, по-видимому, скорректировал свое состояние, прежде чем его аватар задохнулся бы окончательно! Один, совершенно один... На его мокрой сероватой коже играли багровые отсветы далекого извержения, далеких лавовых рек, растекавшихся где-то за линией горизонта. А вокруг него была одна каменистая пустошь, пепельно-серая и антрацитовая, безжизненная на первый взгляд: одни россыпи камней, сопки и скалы – под небом цвета сепии...

Какой была самая первая секунда его телесной жизни, и где он находился до этого? Кто он и откуда сюда пришел?! Голый, как зверь, посреди этой холодной каменной пустоши! Мир вокруг него был далеко не райским местом. Несколько мгновений или, может, несколько часов – время никто не считал – разум Проснувшегося был дизориентирован и замутнен. Зачем он здесь?..! Это было действительно его желание: жить в материи, существовать?.. Что за странные мысли!

... Когда-то «на борту чужого звездолета» он на досуге изучал эту планету. Не он! Другой ... еще только собиравшийся остаться здесь, бежавший из мира, ставшего для него угрозой. Бежал физически, не зная других путей бегства, потому что, кажется, не помнил ничего, или почти ничего, о себе настоящем. Или, может быть, просто решил не знать? Казалось, его желания исполнялись!

Пришедшие покинули планету, остался только он. Сколько эпох сменилось с тех пор, как его прежний аватар погрузился в глубокий сон?! Сон длился миллионы лет во время Великого Оледенения. Оставшийся погрузился в него и... как бы растворился. Скафандр – каким бы он ни был – давно истлел, превратился в пыль, распавшуюся на свои химические составляющие. Не мог же он хранить свое тело миллионы и милллионы лет! Он спал в одиночестве всё это безумно долгое для земного существа время, а его дух блуждал где-то! Встречался ли он с кем-то в этом своем «сне»?

(Впоследствии Оставшийся узнал, что был на пустынной планете совсем не один, их было семеро, прошедших примерно одинаковый путь. Когда он начал по-настоящему осознавать, кто он? После произошедшей встречи с другими или раньше?)

Однако когда он проснулся, не было никого. Тусклый серо-багровый закат встретил его совершенно безразлично. Затем пришла холодная чернильно-мрачная ночь с зарницами далеких вулканических извержений. Ночь, от которой он не смог полностью отгородиться: от ее мрака, холода и от неких призрачных присутствий, скользивших теней, в которых не было жизни. И в эту первую ночь он – еще не вполне владевший собой – отчасти не избежал страданий, приносимых любым временным миром. Его бил не прекращавшийся озноб, ему было не по себе. Но Оставшийся выжил до утра, потому что оказался гораздо сильнее, чем сам предполагал!

С концом ночи и с занимавшимся тусклым красновато-серым рассветом пришло то, что он, очевидно, подсознательно ждал от этой планеты. Оставшийся поднялся на ноги и осмотрелся, взошел (или взлетел?) на скалу, полный хозяин этой мертвенной бурой, черной и ржаво-охристой пустоши, с тусклыми зеркалами низко разлитой воды, курившейся па́ром. Днем вода заблестела повсюду. Жизнь была, она теплилась где-то в воде, а он каким-то образом чувствовал эту примитивную жизнь даже на расстоянии!

Мысли Нейла создавали картины...

Оставшийся улавливал рокот несущихся бешено стремнин и бурно низвергающихся водопадов. Мощный, мощнейший прибой первобытного океана... Рев вулканов, создававших своими множественными извержениями подобие парника и растапливавших последние острова гигантских ледников... Когда-то давно чуть более молодое Солнца уже позволило проявиться жизни в озоновом парнике Земли. Теперь с накоплением кислорода обновленный земной мир создавал колонии своих новых поселенцев на тонких полимерных плёнках.

Но какой бы ни была солнечная радиация, она не вредила ему! Напротив, Оставшийся впитывал ее в себя. Он внимательно оглядел свое новое тело: плотные мускулы, кожа под цвет расстилающегося перед ним пейзажа, безупречная. Как будто с легким металлическим отблеском или скорее «перламутровая», она словно сияла изнутри, отражая переливы суровых красок. Откуда брались все эти сравнения? Его аватар казался ему совершенным! Оставшийся вскинул руки, раскрыл веером пальцы, напрягая их и чувствуя в себе силу. Но не физическую, хотя и был в совершенной форме, а исходившие как бы из глубины него токи энергии, в каждой частице его организма полностью под его контролем.

Проснувшийся чувствовал себя похожим на этот молодой мир и воображал себя отчасти его аборигеном... «диким существом». А это было забавно! Голый, но ничуть не стесненный этим и больше не дрожащий, он стоял на скале над равниной и был готов сделать шаг вперед, сорваться со скалы и полететь!

«Он дышал?.. – спросил себя Нейл. – Как он дышал?» Всей поверхностью тела! Чувство экзальтации, принадлежавшее физическому аватару, передалось и его духу. А он поддался этому чувству и дал ему волю. Бежал, совершал невероятные прыжки, летел! Поднимался на вершины каменистых холмов, обозревал расстилавшийся вокруг пейзаж и снова бежал. Закрыв глаза, погружался с головой в кристальное мелководье, лежал, распластавшись, с лицом, покрытым тонким слоем воды, и слушал, анализируя внутри себя присутствующую там жизнь. Но каким-то образом отгораживался от контакта с ней.

И в то же время чувствовал себя частью планеты, как бы сливался с ее стихиями и растворялся в них. Приближался даже к дышащим жаром долинам с ветвящимися по ним рекам лавы! Его временный словарь наполнился словесными обозначениями: тусклый свет, тьма, мрак... печальный, сумрачный, угрюмый... Дымка окутывала всё. В туманной мгле высилась гигантская отвесная скала с грандиозным обрывом. Внизу, река с ее стремнинами, разделялась на рукава. Ветровой сгон воды оставил размытый берег пустынным. Местность была пересеченной, изрезанной, а горы вдали зубчатыми...

Ему ничто не грозило: ни жара, ни холод, ни радиация. Но отчасти он был еще подобен ребенку и должен был освоиться со своим новым физическим телом, освоить этот мир. И в чем-то он был подобен теням... О чем он думал?

Оставленные на планете пришедшими некие «торсионные образования», автономные информационные сгустки. Автономные – это еще не означало обладающие самосознанием.. Но некоторые из них получили что-то, что им не полагалось по их статусу «созданий»! Что-то, что их подняло на ступень выше даже собственных создателей?

Оставшийся не пытался установить контакт с тенями. (А Нейл подумал, что, кажется, тот пустил всё немного на самотёк!) Торопиться ему было некуда. И пока он оставался один.

Нет, это была не животная, дикая радость, а наслаждение духа, заснувшего усталым и проснувшегося в достойном его аватаре. Сильном, защищенном и питаемом энергией космоса и планетарной энергией. Космоса, еще очень близкого, не полностью закрывшего для планеты свое информационное поле. А сила и красота первобытного мира увлекала дух Оставшегося. Конвенционные течения, мощные цунами океана, перекатывавшего свои гигантские волны и магнитные возмущения, создававшие цунами в небе: сотни форм облаков! Пылевая плазма в верхних слоях атмосферы порождала вспышки, а небо было зеленым перед грозой с градом – на редкость мощной бурей!.. Тысячи и тысячи, и тысячи падающих на землю молний!

Неистовый ветер дул между гор через глинистую долину, сметая всё, что еще не было сметено, подхватил и его, пытаясь унести с собой! Ночью белая ледяная поземка вокруг черных камней создавала эффект свечения... Днем рушились с грохотом таявшие ледники, и крутились в бурных водоворотах стремнин тонкие пластины льда... Ночью и днем обрушивались гигантские водопады!

Затем однажды хлынул апокалиптический ливень. Не просто ливень, казалось, само небо обрушивалось на землю, готовое смыть, утопить зацепившиеся за нее семена жизни, принесенные кем-то на эту планету. А он был как земная песчинка в этом низвержении! Но вместо того, чтобы бороться с проявлениями природы временного мира, Проснувшийся как бы заключил союз с его стихиями. Не во власти их, а в энергетической синтонии, почти на равных, учась брать у них силы и способности для своего аватара.

«Что после всего этого он думал о себе? – спросил себя находившийся где-то Нейл. – Кем себя считал? Подобием божества, несомненно!» Бог, уладивший в каком-то архиве свои прежние дела, и закрывший за собой двери перед вступлением в новое, о котором никто ничего не мог ему рассказать. Вынужденный познавать всё заново.

Мокрое тело Оставшегося сверкало как слиток ценного металла – необычайно легкий сплав, живой суперметалл! И вот, яростно хлещущая вода сметала всё и рушила, во вспышках

тысяч и тысяч молний, раздирающих небо, а он мысленно как бы сливался воедино с ее потоками и чувствовал себя струящимся и бешено несущимся! Потом укрылся в пещере...

В голове Нейла возникали картины, казавшиеся ему неким мифом.

Когда-то люди на Земле жили в гротах и пещерах... Временно... Те, чью цивилизацию смел катаклизм, кто не сумел спасти ничего, кроме самого себя, и кому пришлось заново учиться жить, начиная с нуля, быстро забывая свое прошлое. Они выцарапывали изображение Солнечной системы и далеких звезд на стенах пещер, пока еще что-то помнили, в надежде не забыть. Но откуда им было известно про звезды?.. Знание, невольно оставленное «богами временных миров», великими учеными; точно так же, как непреднамеренно была ими оставлена информация о физической структуре высокоорганизованных созданий. Они, «создатели», когда-нибудь вернулись?.. И если в тот момент на Земле находился еще кто-то, пришедший извне, столкновение было неизбежно!

Оставшийся укрылся в сырой, темной, звучной пещере. Кажется, он слегка поранился! «Кровь?..» Что-то непонятное, потому что на эту мысли накладывалось нечто другое... Он, в белом халате, сидящий на лабораторном табурете, вперивший взгляд в экран электронного микроскопа... Но это не могло быть виде́нием Оставшегося! Нэлл, сидя на своем рабочем месте, размышлял. А мысли и картины смешивались. Оставшийся в неком трансе смотрел на струйку крови, стекавшую по его руке на каменный «первобытный алтарь», как жертва небесному богу, управляющему молниями. «Нет, для таких сцен на Земле было бы еще рановато!» – решил Нэлл. И помимо того, какому богу тот мог бы принести свою жертву? Он и сам был бог, из тех богов, что кровавые жертвы и жертвы вообще не принимают ни от кого! Но разве земной Нэлл что-то знал про всё это?..

Кровь?.. Мысль Оставшегося погрузилась в тело, сотворенное им же самим, стремительным вихрем проходя его насквозь. А сделав это, он подошел почти к самому порогу пещеры, которую от внешнего мира теперь отделял обрушивавшийся ливневый водопад, опасно увлекавший за собой лавину мелких камней и грозивший внезапно затопить пещеру. Или обрушить ее свод и завалить вход глыбами! После чего, будь он человеком, он углубился бы в карстовые коридоры и подземные залы, надеясь найти другой выход, рискуя заблудиться, упасть и разбиться. Через миллионы лет, возможно, нашли бы его кальцифицированные останки... Он же просто стоял и глядел, как завороженный, на обрушивавшийся поток воды и щебня, застилавший портал, наполнявший весь зал маревом из водяной пыли. По щиколотку в воде, заливавшей каменный пол, раскинув руки широко, как крылья, принимал ледяной душ.

И все-таки... Как тот смог сотворить свое тело?! Нэлл-биолог пытался восстановить этапы предполагаемого самотворения: морула, бластула, гаструла – начальные стадии зародыша. Эндодерма, мезодерма, эктодерма... Его органы развивались подобно лепесткам цветка. Всё так просто?.. Но разве тычинки дикой розы не стали дополнительными лепестками цветка, преобразованного роскошной метаморфозой из дикого в садовый! Его органы прошли подобное превращение, а он всего лишь ускорил энергетическую метаморфозу. Но... «Что такое роза?..» До ее появления на Земле должны были пройти еще сотни миллионов лет. Могут ли предполагаемые боги помнить то, что еще не произошло?!

Затем постепенно начали происходить странные вещи... Но он не сразу их заметил. Сколько времени он бродил один по пустынной планете? И вот, он начал замечать, что в маленьких водоемах появляются странные организмы: полуживотные-полурастения, мягкие, без костей, без зубов, без панцирей и без желудков. Медлительные и пассивные. Оставшийся был очарован и заинтригован. Он ощущал в них сонно текущую жизнь. Это походило на зарождение временного рая. Подводный райский сад распускался в воде, напоминая ему о чем-то очень далеком и близком одновременно, однако мысль ускользала от него.

Может быть, пока Оставшийся спал, эта планета через его сны вошла в контакт с какой-то позитивной энергией? Планетная система, двигаясь по галактике, временами под воздействием различных сил отклонялась от своего пути и проходила разные информационные поля.

Это был действительно рай?.. Или стоило «богу» отвлечься лишь на минуту, как за его спиной кончалось мирное сосуществование? И внешне безобидные создания, без кишечника, без зубов, без когтей, впитывали питательные вещества жертвы всеми порами своего тела! Впрочем, если бы это было так, бог, конечно, знал бы, от него это не могло бы ускользнуть. Но ничего такого Проснувшийся не замечал, а чудные существа, похожие на вееры и лиственные ветви, спиральные блюдца и полусдутые подушки, лишь колебались в пронизанной светом воде и надолго завораживали его взгляд. Он не находил пустых оболочек высосанных жерв, и приближая ладони к созданиям, не ощущал никакой исходящей от них негативной энергии.

Часть существ производила чистую энергию, потребляя световые волны определенной частоты, и еще используя кинетику приливов и отливов. Другая часть, мусорщики-чистильщики, подметали дно, измельчая всё мертвое.

Но всё менялось: атмосферное давление, температура и радиационные условия. Кислорода было то слишком много, то, наоборот, слишком мало... И временное тело бога, пребывавшего в таком непостоянном мире, поневоле должно было меняться. И еще, примерно каждые сто миллионов лет – по земному исчислению – происходила почти полная смена жизни. И зарождавшийся на планете рай был разрушен его обезумевшими обитателями! Казалось, сама планета восстала против творившегося на ней беспредела: она меняла свои океанские течения, извергала, и падали притянутые ею астероиды...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.